

18+

Татьяна Чебатуркина

СБОРНИК

80

лет

ПОБЕДЫ

Татьяна Чебатуркина
Сборник. 80 лет Победы

«Издательские решения»

Чебатуркина Т.

Сборник. 80 лет Победы / Т. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659524-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник — дань ПАМЯТИ моим родителям, участникам Великой Отечественной войны. Реальные истории, но не в ностальгической обертке воспоминаний, а в форме именно рассказов. Любовный роман «Ожидание» — о проблемах семей с взрослыми детьми и превратностях любви. Современный психологический детектив «Загадка без разгадки» — запутанный, обманчиво-хаотичный, в роли «сыщиков» — старшеклассники.

ISBN 978-5-00-659524-8

© Чебатуркина Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Сборник «Рассвет»	6
Мама	6
Реликвия нашей семьи	7
Салют Победы	11
Рождественская быль	13
Мишка	16
Пожар	20
Наводнение	23
Мушкетер	27
Фестиваль	32
Вербь	36
Зимняя рыбалка	42
Истоки	47
Кружка молока	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сборник 80 лет Победы

Татьяна Чебатуркина

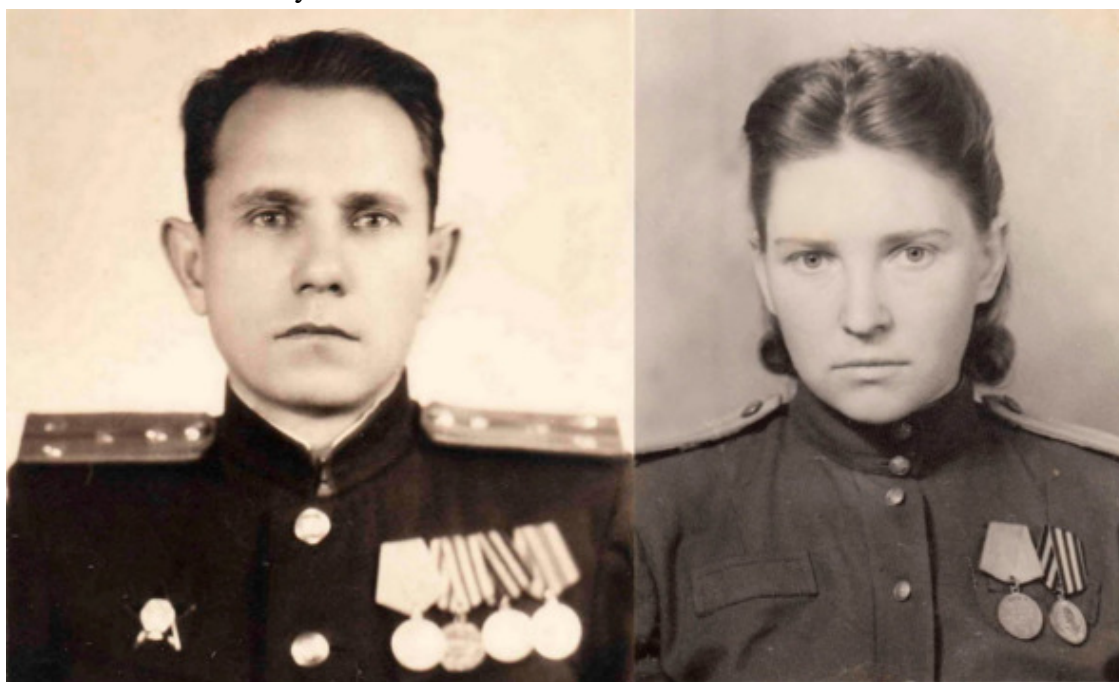
Дизайнер обложки Наталья Ананьева

Редактор Ольга Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2025

ISBN 978-5-0065-9524-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемые читатели!

В преддверии празднования 80-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне, предлагаю Вашему вниманию серию рассказов, посвященных ПАМЯТИ моих родителей, Ефименко Александра Сергеевича и Ефименко (Морозовой) Лидии Федоровны, участников Великой Отечественной войны.

Часть 1. Сборник «Рассвет»

Мама

**Мама – это мое, твое, наше приветствие жизни!
Слова благодарности все тебе – жизнь дала!
Поклоны земные посылаем творцу небесному и маме,
ведь нас от бед спасают – и им хвала!**

**Когда нам сладко, – мыслим другими словами,
в спешке бежим, утешаясь, – знаем куда.
Сразу домик замшелый в глуши вспоминаем,
если вдруг на лопатки положит беда.**

**Истерзанное сердце истекает слезами и болью,
приползаем домой раны свои зализать!
Но иногда, зарвавшись на повороте, не успеваем
МАМЕ последнее «Прости!» прошептать.**

**Мама, я мечтала сделать тебя счастливой,
рукам натруженным от кастрюль покой дать.
Напружинившись, бежим по жизни, как спринтеры,
и так мало успеваем маме ласковых слов сказать!**

**Безграничность любви материнской я в детстве
сердцем поняла навсегда, до конца,
Но как трудно найти новые, полноценные слова,
чтобы на них откликнулась родная душа.**

**Живи же вечно, в любви детей и внуков
повторяясь через сотни дальних лет!
Мама! Как клятву я твержу: «Одна такая ты на свете!
ЕДИНСТВЕННАЯ! Точнее слова нет!**

Реликвия нашей семьи **Сочинение внука – десятиклассника Александра.**

*Необъясним народ, как гений.
Ему определенья нет —
Он шире всех определений.
Но над чредой царей, царши,
Над всеми, что жрало, разлагалось,
Из самых чистых русских лиц
Лицо Отечества слагалось.*

Евгений Евтушенко.

Зимний студёный вечер заполнил все пространство за узорным окном. Родители, как всегда, задерживались на работе. А я – в гостях у своих прадедов. Они прожили долгую интересную жизнь. И мне повезло застать их в живых.

Как сейчас, зримо запомнившиеся запахи и звуки своего совсем недавнего детства, когда после чаепития играли втроем в лото: пирожков с капустой, ватрушек с творогом, оживленные голоса моей прабабушки Лиды и прадеда Саши, в честь которого меня назвали.

Из кухни мы переходили в зал, где на видном месте, на тумбочке лежал, поблескивая пожелтевшим перламутром клавиш, старинный трофейный аккордеон моего прадеда, участника Великой Отечественной войны, капитана Ефименко Александра Сергеевича.

– Наша семейная реликвия, – говорила (мы их так привыкли называть) бабушка Лида, а дед Саша брал аккордеон на свои колени, надевал потертые ремни и начинал играть вальс «На сопках Маньчжурии», фронтовые песни «Катюша», «В землянке», «Синий платочек».

Прабабушка расправляла плечи, откладывала свое неизменное вязание, и исчезали, таяли в сумраке вечера пролетевшие годы для уже старых ветеранов. Они на глазах молодели. Разглаживались их морщины – они на волнах памяти уносились в свою такую далекую и неповторимую юность.

Тогда я был маленьким, тянул аккордеон к себе:

– И я хочу играть! – мне казалось, что они будут жить вечно.

Теперь, с высоты своих пятнадцати лет, я с грустью осознаю невозвратимость и неповторимость каждой прожитой жизни. И мне на помощь приходят мои бабушка Таня и мама Лена, сохранившие самые теплые воспоминания о своих родных, пожелтевшие фотографии в альбомах, ордена, медали и очень немногие реликвии военных лет. Ведь самое главное – память. Как в поэме Евгения Евтушенко:

*«Грех оказаться, к своему стыду,
не знающим, откуда ты и кто ты.
В истории трусливые пустоты
Рождают в наших детях пустоту».*

Что удивляет, привлекает нас в том поколении, которое прошло через огонь Великой Отечественной войны, в поколении победителей фашизма?

Кто-то из великих сказал: «В мире есть три вещи, которые ни при каких условиях не могут быть подвержены осмеянию, – патриотизм, истинная любовь к женщине и старость».

И этот немецкий аккордеон, который прадед купил на рынке в Польше, в Кракове летом 1945 года после окончания войны, стал семейной реликвией, так как связал на всю жизнь

сердца двух случайно встретившихся на войне людей, проживших в любви и согласии шестьдесят три года.

Родился Александр Сергеевич в селе Новая Квасниковка в 1914 году в крестьянской семье. Его отца за грамотность местная помещица Масленникова взяла к себе приказчиком, но после революции отец умер от тифа. После смерти матери в 1921 году малышом пяти и семи лет вывезли в детский дом, а старшую сестру взяли в няньки в чужую семью. Младший брат Леша был очень слабый, заболел дифтерией и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Александр до двенадцати лет скитался по детским домам Неповолжья.

Находясь в детском доме села Ровное на Волге, Саша повел как-то лошадей детдома на водопой к колодцу, где его случайно встретила и узнала жена родственника матери, Кузьмы Трофимовича Логинова, бывшего матроса с броненосца «Потемкин», который был председателем сельского Совета в селе Хомутинка, тоже на Волге. Так прадед попал в семью приемным. Окончил семь классов, а затем курсы учителей начальных классов.

Наверное, от этих незабываемых, неповторимых картин беспокойного простора великой Волги, раздолья степей зародилась в душе мальчика-сироты в то далекое тяжелое, голодное время неосознанная тяга к прекрасному: рисованию, музыке, литературе. Он научился играть на балалайке, мандолине. И пределом мечтаний было подержать в руках гармонию.

Работал учителем начальных классов. С июня 1938 года по январь 1940 года Александр Сергеевич – заместитель редактора районной газеты «Ударник полей».

Именно такие черты характера, как решительность, принципиальность, упорство, трудолюбие помогали в жизни.

Началась финская война, и прадед ушел на фронт добровольцем. Начало Великой Отечественной войны встретил под Ростовом рядовым 138 гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования.

За короткими строчками автобиографии – бесконечные бои, гибель друзей, страшные пути отступления, суровые будни беспощадной войны. Он воевал на Юго-Западном фронте под Одессой, Киевом, Вязьмой. И получил заслуженную медаль «За оборону Москвы».

После разгрома фашистов под Москвой был направлен в Горьковское военно-политическое училище имени Фрунзе, которое окончил в 1943 году. И неизменно с ним была немецкая трофейная губная гармошка, которую выменял у ребят за пачки махорки, так как никогда не курил.

В составе войск Четвертого Украинского фронта освобождал от фашистов Закарпатскую область, Чехословакию, Польшу. В 1944 году окончил Первую Московскую школу УКР «СМЕРШ».

Победу встретил в городе Кракове в Польше. Прадед награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейными медалями.

Если бы он сейчас был жив, я, наверное, смог «разговорить» его, чтобы узнать подробности такой закрытой службы, когда практически ежечасно солдаты и офицеры рисковали на фронте и в тылу, сражаясь и погибая в засадах бандеровцев, оккупировавших прекрасные земли Украины.

«Патриотизм – чувство самое стыдливое и деликатное... Побереги святыя слова, не кричи о любви к Родине на всех перекрестках. Лучше – молча трудись во имя ее блага и могущества» – эти слова В. А. Сухомлинского можно смело отнести к моему прадеду.

Неисповедимы пути господни...».

Судьба свела моего прадеда с прабабушкой весной 1946 года в далеком городе Сигет в Румынии.

Прабабушка Ефименко (Морозова) Лидия Федоровна была родом из города Борисоглебска Воронежской области. Предки были мастеровые. Но в ближней родне были очень извест-

ные в стране люди. Родной дядя прабабушки, Михаил Алексеевич Меньшиков после окончания Плехановского института народного хозяйства работал в тридцатые годы в торговом представительстве в Англии. Его посылки в голодном 1933 году спасли семью сестры от гибели.

Впоследствии он был послом в Индии, Соединенных Штатах Америки, министром иностранных дел России. Сын Меньшикова, Станислав Михайлович – доктор экономических наук, профессор в области политической экономики и международного права, преподавал в МГУ, Эразмском университете Роттердама в Нидерландах, в университете Аалборга (Дания). Работал в ООН (США) – директором отдела прогнозирования и передовых исследований.

Родством с такими выдающимися людьми прадеды гордились, но нигде не афишировали.

Мать моей прабабушки, Анна Алексеевна, была старшей, сводной по матери сестрой Михаила Алексеевича, рано осталась вдовой с тремя детьми, всю жизнь проработала портнихой. Ее муж, Федор Петрович Морозов, был образован, работал телеграфистом на железной дороге, имел прекрасный голос, пел в церковном хоре. Болел, так как сказались годы, проведенные на передовой первой мировой войны и немецкий плен.

Лидия Федоровна окончила медицинское училище в городе Воронеже. С первого дня войны стала работать лаборанткой в военном госпитале, который после разгрома фашистов под Сталинградом стал санитарным эвакуогоспиталем, следовавшим по железной дороге вслед за войсками от Борисоглебска до Будапешта в Венгрии.

Через руки медиков прошли тысячи раненых. В нем она проработала до 1948 года. Тридцать два раза приходилось сдавать кровь. Вот как прабабушка вспоминала то время:

– Иной раз и двух недель не пройдет после того, как сдашь кровь, а придет главврач: «Ну, кто девчата, смелый?» И опять течет кровь к кому-то другому, совсем незнакомому.... Потом была Румыния. Бурная Тисса... Однажды дал командир задание: «Нужно во что бы то ни было переправиться на другой берег реки. Нужна срочная медицинская помощь». А как? Мосты все взорваны, переправа не работает. Лед только тронулся. Да ведь молодость! Помню, решили плыть на лодке. От усталости стала дремать. Очнулась в ледяной воде. Тяжелые сапоги тянут вниз, одежда вся намочка, кругом черная бурлящая вода да огромные льдины. Вспомнила свой родной Хопер. На берегу выжали гимнастерки, вылили воду из сапог и поспешили скорее выполнить задание. Вот и осталась печать войны на всю жизнь, сердце стало побаливать, ноги порой стали не слушаться».

Но эти воспоминания придут позже, спустя многие годы. А тогда миллионы женщин своим беззаветным трудом и в тылу, и на фронте приближали время Великой Победы.

И этот долгожданный день наступил. Цвела обожженная войной сирень, и черное небо над Хатваном в Венгрии прочертили следы залпов своеобразного стихийного салюта из автоматов, пистолетов людей, выплеснувших неудержимую радость: «Дождались окончания страшной войны! Победа!».

После окончания войны госпиталь решили перебросить на Дальний Восток, но надолго застряли в пограничном городе Сигет в Румынии. 12 апреля 1946 года военный фельдшер Морозова Лидия Федоровна получила чин младшего лейтенанта военной медицинской службы.

После расформирования госпиталя ее назначили начальником лабораторной службы в 304 лагере для бывших военнопленных и репатриированных граждан СССР. Именно здесь весной 1946 года она познакомилась со старшим лейтенантом Ефименко Александром Сергеевичем. И вот здесь свою неопределимую роль сыграл аккордеон на груди своего хозяина.

Разъехались по домам почти все девчата. Ждала со дня на день приказ о демобилизации. И вдруг эта неожиданная встреча на концерте. Молчаливый, смущающийся старший лейтенант поразил своей начитанностью, отсутствием бахвальства, высокомерия.

Судьба так распорядилась, что за тысячи километров от своей Родины они нашли и полюбили друг друга, поклялись в верности на всю жизнь, поженились.

А холодным январским утром 1948 года в день рождения долгожданной дочери Александр Сергеевич принес в палату госпиталя своей любимой жене три красные розы, которые он неизвестно, где достал. Свидетельство о рождении выдали в консульстве города Констанца Румынии.

Потом была военная служба в Армении, Азербайджане, но после демобилизации в 1954 году прадед привез семью на свою родину, в Заволжье. Начиналось освоение целины, и боевому офицеру, капитану Ефименко, члену КПСС с 1941 года, предложили стать заведующим парткабинетом райкома партии.

В бывшем здании земской больницы не было лаборатории, и Лидия Федоровна стала первой заведующей клинической лаборатории. Везла из Сталинграда, Саратова необходимое оборудование, химические реактивы. За тридцать лет работы сменилось тринадцать главных врачей. Работала, пока резко не ухудшилось зрение.

«Мы – счастливые люди, – говорила бабушка, – потому что остались живыми в той страшной мясорубке невыносимых страданий, на пределе человеческих возможностей.

Прожив трудную жизнь, полную лишений и ограничений, прадеды отличались воспитанностью – качеством личности, в котором органически слиты культура общения, культура внешности и культура удовлетворения потребностей. Через призму прожитых лет они не потеряли способности доброго отношения к людям, чувства юмора, уважения и любви к книгам.

Вырастили детей, дождались трех внуков и уже четверых правнуков. И на всем жизненном пути семьи как залог верности, любви, взаимопонимания был талисман, реликвия – старый раритетный аккордеон с мягкими красными сафьяновыми мехами.

Учились играть на нем дети, внуки. Музыка всегда жила в дружном доме, где никогда не гнались за богатством, которого за долгую жизнь так и не заработали. Зато всегда были уважение и почтение односельчан, видевших настоящие крепкие семьи и у детей, и у внуков.

«Любовь – та же радость, она, как солнечный луч, светит живущему сквозь все страдания, горести, неудачи и заботы». Эрнст Тельман.

Наши ветераны – удивительно скромные и честные люди – были до конца преданы друг другу, и даже, когда таяли силы, как они были терпеливы и умны! Все их думы были о внуках, правнуках, о нашей стране. В старости – мудрость многих поколений. Они ушли, но нам осталась их правда, вера в счастливое будущее, надежда, что дети и внуки не подведут.

И на параде 9 мая они идут вместе с нами в составе Бессмертного полка, вторя словам Евгения Евтушенко:

**Пусть не скуют ни слава, ни уют!
Идя навстречу будущим столетьям,
Отдайте все в России нашим детям,
И дети все России отдадут.**

Салют Победы Миниатюра.

Ночь. Зябко даже в накинутой шинели. И постоянный, нежнейший запах с улицы от огромного сиреневого дерева, поврежденного осколками. Этот аромат перебивает гарь сожженных домов, выхлопы газов прибывающих санитарных машин, крепкий чад махорки легкораненых.

Ветки сирени в банках, колбах. В огромном, переоборудованном под госпиталь здании бывшего сахарного завода, в пахнущей хлоркой, потом и кровью полутьме, глядя на колеблющийся огонек коптилки из артиллерийского снаряда, невольно уносишься мысленно в далекий родной город.

И заново переживаешь картины довоенной жизни, которые тотчас же перекрываются ужасающей правдой того невероятного дня, когда впервые прозвучало из репродуктора страшное слово «война».

Время, сжатое в немыслимый клубок, – военное положение, в течение суток мобилизация, переоборудование родной школы в военный госпиталь, погружившийся во тьму затемненный город, первые эшелоны с ранеными.

Невозможно привыкнуть вчерашним выпускницам медицинских училищ к нескончаемому потоку и ранам изуродованных осколками, пулями сильных мужчин, к их немыслимым страданиям, которые они пытаются всеми силами скрыть, пока в сознании.

И помнишь, как, чтобы не попасться на глаза замполиту госпиталя, при свете коптилки переписывали по очереди на маленьких листочках Псалом 90 «Живый в помощи», хранимый бережно в комсомольском билете, а потом – в партбилете, который вручили 7 ноября 1942 года.

Эвакогоспиталь после разгрома фашистов под Сталинградом стал санитарным эшелоном следовать за наступающими войсками по железной дороге и принимать раненых сразу после боев.

Неисчислимые потери на всех фронтах, ведра крови в операционных, где круглосуточно спасали жизни только несколько часов назад бывших здоровыми и жизнерадостными солдат и офицеров, получаемые похоронки на родных и близких – все это прессовалось в сознании только постоянным напряжением всех душевных сил: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В дверной проем, завешенный армейской палаткой, врывается растерянный Пьер. Его привезли в госпиталь осенью из-под Сталинграда, ампутировали полностью правую лопатку, сшили плечо, признали негодным к строевой службе. Но этот худенький лейтенант – хореограф известного ансамбля – упрямил начальника госпиталя оставить его вольнонаемным.

И в редкие минуты отдыха врачи и медсестры становились артистами. Задушевные песни, стихи, танцы и гимнастические этюды вызывали слезы и бурные аплодисменты выздоравливающих бойцов. Даже не ходячие раненые просили санитаров перенести их на носилках на концерт.

– Лида! – шепот Пьера прервался. – Буди начальника госпиталя! Связисты соседней части сказали: «Все! Конец войне! Капитуляция Германии!» Ты слышишь?

Они выбежали на улицу. В полуночной темноте от города Хатван наплывал какой-то тревожный, непонятный шум. Небо озарилось вспышками сигнальных ракет.

Вдруг автоматные очереди стали бить совсем рядом со станцией, где расположился на отдых моторизованный полк.

И стали отчетливо слышны голоса: «Ура-а-а! Победа!»

Пьер выхватил из рук опешившего солдата, охранявшего госпиталь, автомат и прямо с крыльца начал стрелять вверх.

Замполит выбежал с пистолетом и без слов присоединился к общему оркестру выстрелов. Раненые солдаты обнимались, плакали, не скрывая слез, кричали, матерились.

– Лида, присоединяйся к салюту Победы! – Пьер протянул автомат, и она, крича и плача, стала посылать к небу свою радость и боль. В память о тех одноклассниках, матери которых получили похоронки, за тех обожженных в танках мальчишек, бравших Харьков, Будапешт, за тысячи изуродованных войной судеб, за сгоревшую на костре войны молодость.

А на востоке торжественно разливалась заря первого мирного дня.

Рождественская быль

Рассказ.

Годы не властны над памятью. И иногда один штрих, незначительное слово высвечивают в воображении вдруг такую ярчайшую картину событий, свидетелем которой ты никогда не была.

На стене в нарядной современной рамке – вышитая крестиком картина: восходящее солнце над крепостными стенами старинного замка в окружении богатейшей зелени деревьев и кустарников.

А рядом – точно такого же размера вторая картина с рождественским сюжетом – на берегу замерзшего озера, на заснеженном пригорке босая девочка в легком платье сжалась от холода, пытаясь согреть замерзшие руки на груди под косынкой. В снегу – брошенная мандалина и две тоже замерзшие птахи. Этим вышитым гобеленам больше лет, чем мне. Их вышила моя мама. И, прикасаясь к аккуратным крестикам пальцами, рассматривая очень плавные переходы света и теней на таких двух непохожих творениях ручной работы, я снова вижу склонившуюся над пяльцами маму и слышу ее голос.

Судьбе было так угодно, что она всю жизнь прожила вдали от своего родного города. Несколько раз бывала там, пока были живы близкие родственники и подруги юности. Но ветер перемен постепенно разбросал всех по огромной стране, многие ушли из жизни слишком рано.

И в один из январских вечеров, в сочельник мама рассказала об удивительном случае из своей жизни

Начало 1946 года. Госпиталь в Хатване, предместье Будапешта. Срочный приказ – командировка в Вену, чтобы получить медикаменты и оборудование для госпиталя в столице Австрии, где сконцентрировались в это время штабы и союзных войск – американцев, французов, британцев.

Старшей была назначена Мария Исааковна, врач-рентгенолог из Минска, знавшая блестяще немецкий и французский языки. Моя мама была заведующей клинической лабораторией. В помощь дали двух вооруженных солдат.

Дружба началась после знакомства в августе 1941 года, когда родителям и младшей сестренке Марии Исааковны удалось выбраться из Минска в первые же дни войны и на перекладных, иногда пешком добраться до Борисоглебска Воронежской области. И практически почти с самого начала войны обе стали работать в одном госпитале.

В результате Белостокско-Минского сражения 22 июня – 9 июля 1941 года основные силы советского Западного фронта оказались в окружении и были разгромлены, большая часть попала в плен. Советское Информбюро о сдаче Минска не сообщило. Там, в окружении пропал старший брат Марии, артиллерист Борис.

Все поезда шли переполненные по восстановленным путям. Незнакомые артиллеристы втянули двух девушек через распахнутые окошки в купе. Солдаты тоже сумели втиснуться в переполненный тамбур.

Мария сразу спросила, не встречался ли им ее брат. Узнав, что он пропал в самом начале войны, офицеры только торопливо отводили взгляды.

Сестричкам из госпиталя освободили нижнюю полку, организовали доставку кипятка на следующей станции

За окнами мелькали развалины незнакомых городков, сожженные деревья, остовы взорванных танков и машин. Рано утром проснулись, когда состав пробирался среди полуразрушенных домов Вены.

– Лида, ты знаешь, – я бросила консерваторию после первого курса и поступила в медицинский институт. Родители хотели, чтобы я была пианисткой! Но я их не послушала – стала

врачом! И вот мы в городе, где родился и жил великий Моцарт! – Мария Исааковна вздохнула. – Как же все города, пострадавшие от войны, похожи друг на друга!

Лида кивнула. Их эвакогоспиталь на санитарном поезде следовал за наступающими войсками с февраля 1943 года, и на пути встречались только дымящие после недавних боев развалины и сотни раненых, которых тут же перевязывали, оперировали, сортировали, отправляли в тыл, хоронили погибших.

Ненадолго остановились в Харькове, прибыв туда на второй день после его освобождения. Клубы черного дыма над некогда цветущим промышленным городом, безлюдье. Вся огромная территория страны в руинах.

На перроне в Вене неожиданно были остановлены военным патрулем, в составе которого оказались представители союзников – американцы, французы – и наши солдаты. Предъявили своим документы, спросили, как найти комендатуру. Мария что-то спросила по-французски. Союзники отдали честь русским девушкам в военной форме, француз что-то оживленно начал рассказывать.

– Собор Святого Стефана, где венчался и похоронен Моцарт, частично разрушен, – перевела Мария, – но думаю, что мы обязательно его найдем в центре города. Надеюсь, что мой немецкий поймут венцы!

В комендатуре быстренько отметили командировки, объяснили, как найти склады с медикаментами. Отпуск по заявке госпиталя занял около двух часов. Поезд обратно отправлялся вечером. Оставили солдат охранять ящики с медикаментами, договорились, что вернуться через два часа.

Ребята, охранявшие госпиталь в Хатване, бывавшие в Вене в командировке, рассказали, что в столице расцветает «черный рынок», на котором можно обменять на тушенку и сигареты все, что тебе нужно. Предупредили, что среди местных жителей скрывается много беженцев-немцев из Чехословакии, Силезии, Восточной Пруссии, и нужно быть осторожными, не забываясь на незнакомые улицы.

Когда вышли снова на перрон вокзала, на первом пути стоял чистенький состав из приличных вагонов с табличками: «Вена – Париж». Остановились, потому что Мария вдруг предложила:

– Лидочка! Давай прокатимся в Париж? А что? Предъявим в кассу командировочные, купим билеты, австрийские шиллинги у нас есть. Тут ведь в принципе недалеко – одна ночь. И мы в Париже! С голоду не умрем – в рюкзаке тушенка и хлеб!

– Ты что, под трибунал захотела? Первый же патруль нас снимет с поезда!

– Мы скажем, что перепутали поезда! А вдруг повезет? Один день в Париже! Ты когда-нибудь могла представить, что очутишься в центре Европы – в Вене? Такой возможности нам больше никогда не представится!

– А как же наши медикаменты? Солдаты подождут два часа, а потом заявят в комендатуру о нашей пропаже!

– Мы в это время уже будем далеко! Хорошо! Возвращайся! Скажешь, что меня потеряла! А я через неделю вернусь! Привезу всем сувениры из Парижа!

– А если тебя союзники в тюрьму посадят? Примут за перебежчицу! Война ведь закончилась! Скоро нас всех демобилизуют! А что твоим родителям на Урал сообщат? Дочь решила остаться на Западе! Брат пропал! И дочь исчезла! Пошли лучше искать собор Святого Стефана!

Тихо начал моросить мелкий дождь. Состав медленно тронулся. Разговоры о демобилизации иногда перекрывались разговорами о срочной переброске госпиталя на Дальний Восток. Но приказа пока не было.

Немецкий язык Марии был сносным. Увидели центр города, где уже всю шла расчистка развалин, огромную, сохранившуюся после освобождения Вены 13 апреля 1945 года 136 – метровую башню Собора.

В маленькой лавочке пожилого венца неподалеку внимание привлекли картины на канве для вышивания, с очень талантливыми цветными рисунками. Не удержались, отдали по две банки тушенки за четыре одинаковые будущие гобелены.

На стихийном рынке истратили все шиллинги и купили себе по шелковому платью, туфли на каблучках, шелковое белье по заказу девочкам – медсестрам и врачам.

– Лидочка! А ведь сегодня 7 января – Рождество Христовое! Воистину нас Бог уберег от необдуманных поступков! Запомни этот день! – Мария отдала честь офицеру из комендантуры, который привел своих солдат, чтобы помогли загрузить громоздкие ящики с медикаментами в отдельное купе.

– Домой, домой! – пели колеса.

Как же надоела эта чужая земля, которую пришлось освободить от фашистов ценой таких страшных потерь сотен тысяч отцов, братьев, сыновей и дочерей! И улетевшую юность никто никогда не вернет! И еще десятки лет будет напрягать страна все свои силы, чтобы отстроить заново города и села, дома и заводы, школы и дороги.

Какой там Париж! Отмене карточек были рады, довольствуясь самым минимумом необходимого!

А в госпитале Марию Исааковну ждал брат Борис! Ему повезло выйти из окружения и через топи и болота добраться до своих с оружием. Воевал под Сталинградом, дважды был тяжело ранен. И в госпитале его нашел запрос, которые рассылала его сестра за долгие годы войны по разным адресам.

Встретиться в мирное время подругам было больше не суждено. В начале 1958 году Мария умерла от пневмонии. Спасти в Минске ее не смогли. Хотя в письме договаривались о встрече в Москве летом.

Уходят участники Великой Отечественной войны один за другим. Их дети постарели. А вышитые картины напоминают постоянно о молодости и отваге тех миллионов погибших, кто ценой своей жизни дали нам возможность жить в мире, без войн все эти непростые годы.

Мишка Рассказ.

Предисловие

Этот рассказ – попытка взглянуть на далекие годы первых послевоенных пятилеток, когда с огромным трудом началось возрождение советской деревни.

Нищие колхозы и совхозы, нехватка тракторов и машин, навязывание сверху, какими сельскохозяйственными культурами засеивать земельные площади, низкие закупочные цены государства, «пустые» трудовые – все это реалии тех лет.

Весной 1954 года было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Руководство страны Советов в лице Н.С.Хрущева предпочло экстенсивный путь развития сельского хозяйства.

На целину отправляли значительное количество техники и автомашин.

Прозвучал призыв к коммунистам, молодежи, механизаторам поехать в далекие и необжитые места в целинные районы Казахстана, Заволжья, Сибири, Южного Урала. И около 500 тысяч юношей и девушек откликнулись на этот призыв.

В 1954—1956 годах на целину было отправлено около 50 тысяч человек, создано 425 зерновых совхозов.

За прошедшие годы сотни томов написаны о героическом порыве молодежи, а также критических исследований о пользе и вреде такого масштабного проекта и его последствиях.

Но нельзя умолять самого главного: целинный хлеб был самый дешевый.

В безлюдных диких степях Заволжья, например, выросли новые поселки, были проложены дороги, построены десятки школ, высажены сотни гектаров лесополос.

В колхозы и совхозы страны были направлены 120 тысяч специалистов: агрономов, ветврачей, зоотехников, инженеров.

Именно интеллигенция: учителя, врачи, культработники, – внесли свой огромный вклад в поднятие «культурной» целины.

Моим дорогим родителям, участникам Великой Отечественной войны, посвящается этот рассказ.

– Леша, в какую убогую глушь нас занесло! Электричества нет, вонь, мухи! Так и будем валяться на полу в этой каморке?

Света проснулась от изнуряющей духоты в полумраке маленькой спальни.

– Мама, мне жарко!

– Иди к нам! – Света слезла с узкой кровати, легла между отцом и матерью на расстеленном на полу ватном одеяле. – Мы уйдем с папой на работу! Слушай Галю!

Галя – приемная дочь бабушки Евдокии. Ей – двенадцать, на шесть лет старше. Пестрый ситцевый сарафан, белая косынка. Глаза зеленые, две тонкие косицы до плеч, худая, гибкая. До черноты загоревшие руки и ноги.

– Вставай! Есть хочешь?

После полумрака с занавешенными окнами во всех комнатах – на улице несусветная жара. Большой вытоптаный двор, куры развалились в тени высокого плетня.

– Сметану любишь? Пошли в погреб! – Света покорно идет за Галей к глиняному сарайчику.

Второй день, как они приехали из далекого города Баку в деревню к бабушке. Что такое погреб – неизвестно.

Галя откидывает тяжелую крышку:

– Полезли! Знаешь, как там прохладно!
Света судорожно отталкивает руку Гали:
– Нет! Я боюсь темноты! Не хочу в погреб!
– Ладно, сиди тут! Я сейчас! – она исчезает в таинственной глубине, вытаскивает глиняный горшок, протягивает Свете деревянную ложку:
– Давай, ешь, пока нас не застукали!
– Нас накажут, если застукают? – Света трогает кончиком ложки застывшую белую поверхность.

– Меня выпорют ремнем, а тебя нет – вы гости. Евдокия – злока и жадина! Она все продает на рынке. Завтра бить масло будем.

У холодной сметаны – интересный запах и вкус: и не сладкий, и не кислый, а какой-то ласково-нежный, становится щекотно за ушами.

– Я больше не хочу!

Галя скрывается с горшком в темноте, оттуда доносится:

– Только никому ни слова! Могила! Понятно?

Свете многое не понятно. Как это бить масло? И почему могила?

– Пошли Мишку поить! – Галя схватила ведро, дала Свете ломоть хлеба, перевела через пыльную глинистую дорогу к хорошенькому рыжему теленку. Длинная веревка от ошейника была привязана к железному крюку, трава вокруг вытоптана.

Увидев девочек, он громко замычал. Света протянула ломоть хлеба.

– Ему три месяца! У него уже рожки появились! Да не бойся ты! Скучно ведь одному!

Целый час играли с теленком в догонялки.

– Полезли на крышу! Там груши лесные сушатся. Я тебе село покажу!

Дом был огромен. Деревянная пристройка казалась ниже, Света уверенно полезла за Галей по устойчивой деревянной лестнице.

Открывшаяся картина была непередаваема словами. Село вытянулось с севера на юг длинными рядами нескольких улиц вдоль темнеющей близко реки.

Среди деревьев пряталась больница. Вдали поднималась в небо кирпичная труба маслозавода. Плоские глиняные крыши домов перемежались старинными избами.

В центре красовалось двухэтажное кирпичное здание школы. И огромный купол выгоревшего неба с обжигающими лучами августовского солнца.

– Света, спускаемся скорее! Евдокия, вон, видишь, идет?

Галя начала спускаться вниз, приказав:

– Ложись на живот, держись за выступ и щупай ногой ступеньку на лестнице.

Под ногой перекладыны не оказалось. Страх сковал тело. Света судорожно вцепилась в шершавую доску выступа. Вот сейчас она упадет с высоты на сложенные внизу красные кирпичи. Хотела позвать маму, но голос пропал.

– Ползи назад, у тебя ноги короткие!

Сидя на раскаленной крыше, размазывая слезы запоздалых рыданий, Света поняла, что боится высоты.

Ее снял с крыши отец, который пришел на обед.

– Зачем вас черт на крышу понес? Почему тесто по полу гуляет? Посуда не мыта! – Евдокия схватила ремень с гвоздя.

Папа отобрал ремень:

– Вы что, мамаша, с ума сошли? Оставьте девочку в покое!

Бабушка взвилась:

– Александр! Никаких мамаш! Мамаша была, когда забрала тебя из детского дома. У меня сейчас муж молодой. Евдокией зови. Ты чего стоишь, лентяйка? Разводи огонь в печи! Буду пироги ставить! У Степана – день рождения. После коров гости начнут собираться!

Бабушка Евдокия была какая-то круглая, необъемная в талии, в обвисшем ниже колен выцветшем платье без рукавов.

Отец выпил молока и ушел.

Света проснулась под вечер. Вышла из дома. Галя огромной метлой пылила по двору

– Пошли скорее за коровой!

– А где моя мама?

– Евдокия ее припахала на стол накрывает вместо меня.

Они пробирались мимо дворов, плетней, пока не вышли на простор за селом, попав в пыльное облако.

Коровы ускоряли шаги навстречу своим хозяйкам и детворе, приветствуя их громким мычанием. А потом все стадо плавно растеклось по улицам и переулкам.

Корова Марта была широкой, с огромными страшными рогами, Света спряталась за Галю.

Во дворе было людно. Три незнакомых дяденьки, сидя на корточках у кухни, курили. Папа на крыльце беседовал с худенькой женщиной. Бабушка в желтом с мелкими цветочками шелковом платье замахнулась на Галю:

– Людей надо за стол звать, а корова еще не доена. Бери подойник и марш доить!

Мама выскочила из кухни нарядная, в синем крепдешиновом платье с кружевным белым воротником:

– Светочка, я в доме накрыла вам с Галей на стол. На кровати лежат новые книжки: «Приключения Буратино» и Гале – «Том Сойер».

Смотреть, как Галя сидела на маленькой скамейке, под коровой, было страшно. Корову кусали мухи, она обмахивалась от них длинным грязным хвостом.

Молоко тугими струями ударяло по дну ведерка, и получался какой-то интересный музыкальный мотив.

На улице стемнело.

Галя зажгла керосиновую лампу на высокой ножке:

– Не люблю я читать, понимаешь! Ты ешь, а я пойду, посмотрю, что они там, в кухне делают.

Читать Света научилась рано, в пять лет. Успела прочитала всю книжку о Буратино. И тут влетела Галя:

– Пошли скорее! Скоро драка будет! Пропустим самое интересное!

Они присели на скамейку у окошка. За накрытым столом с двумя керосиновыми лампами теснились десять человек. Лица у всех были красные. Громче всех кричал дядя Степан, размахивал руками, лицо у него было свирепое, черные волосы косматые:

– Кто вас кормит, интеллигентов чертовых! Крестьянин! Что ж ты не остался в Москве, родственничек? Дома Евдокии ты не увидишь! Вот тебе, дуля с маком! Мой теперь дом! А вы у своей коммунистической партии квартиру выпрашивайте! Партийные оба, мать вашу, на нашу голову свалились!

Мама не выдержала:

– Ты партию нашу не тронь! Я партийный билет седьмого ноября 1942 года получила, когда неверующие в победу свои сжигали. Саша всю войну артиллеристом с первого до последнего дня отшагал. Он вернулся на родину! Дом нам не нужен!

– А что вам нужно! Хлебушек наш? Смотри, сколько я на трудодни получил! На калачи хватит и на самогонку еще останется! – дядя Степан откинул крышку с высокого деревянного ларя в углу.

– Городская, смотри какая отборная пшеничка! Ваша партия думает: если сюда молодежь нагонит, даст им новые трактора, машины, у них что-нибудь получится? Целинники, мать вашу! Пропьют, прожрут все и по домам разбегутся! Палатки поставили, герои! Задницы свои

приморозят в этих палатках зимой! Лозунги развесили! Замки на сараи вешать надо – от воров пришлых хорониться!

Он начал пригоршнями разбрасывать пшеницу по кухне. Не выдержала, вскочила со своей табуретки Евдокия:

– Сядь, Степан, не порть добро, коли перепил! Запевай, Нюра!

Неожиданно дядя Степан изо всех сил размахнулся и ударил бабушку своей огромной ручищей по лицу. Она рухнула молча на глиняный пол.

– Как же ты мне осточертела! Девоч в селе – расшибись, а тут от этой ни ласки, ни пляски!

– Ой, убил! – ахнула Галя

Все, как в кино на экране, начали суетиться, перемещаться в тесной кухне. Два плечистых мужика схватили дядю Степана, вывернули ему руки, прижали лицом к ларю.

Мама с отцом подняли бабушку, лицо ее было залито кровью.

– Пустите меня! Мой день рождения! – кричал дядя Степан. – Наливайте мировую!

Его отпустили. Но дядя Степан никак не мог успокоиться:

– Интересно, под сколькими командирами, Сашка, твоя женка побывала, если такая смелая стала? – папа хотел вскочить, но мама схватила его за руку. – Мы таких смелых пощелкали на войне без счета. Хоть и неудобно с такой культурой орудовать было.

Он поднял над столом правую ладонь, на которой осталось только два пальца с мизинцем.

Мама встала, задохнувшись от волнения:

– Сколько же еще времени потребуется, чтобы дикость и варварство искоренить из этой патриархальной деревни? Ничего, фронтовики посмотрели, как Европа живет, засучили рукава. 1954 год на дворе! Сюда, на целину, едут со всей страны молодые и энергичные, с комсомольским задором и решительностью! Через несколько лет тут все изменится! А у тебя, Степан, – самострел. Без единой царапины человек, а трех пальцев, чтобы из винтовки стрелять, не оказалось. Нагляделась я в госпитале за четыре года на таких трусов! Саша, пошли! Нечего нам тут делать!

Но выйти они не успели. Разъяренный Степан схватил огромный разделочный нож:

– Убью! Всех порежу! Пустите меня! Душно мне здесь с вами!

Света испугалась, что дядя Степан кинется на родителей. Но Степан, помахав в воздухе ножом, неожиданно мирным голосом сказал:

– Чего всколыхнулись? Думаете – Степан спятил? Мишку я хочу зарезать! По ночному холодку разделаем, утром мясо на рынок отвезу. Опохмелиться соберемся.

Света ничего не поняла, а Галя прошептала:

– Мишку сейчас убивать будут!

Этого Света допустить не могла. Она перепрыгнула высокий порог кухни:

– Папа! Мама! Спасите Мишку! Они хуже разбойников!

Все взрослые застыли в изумлении. Первым опомнился папа:

– Я куплю Мишку. Сколько за него?

Мужики отпустили Степана. Тот налил себе полный стакан водки, выпил без закуски:

– Давай тысячу рублей.

Папа вернулся быстро. Он принес свой кожаный офицерский планшет, достал пачку денег, отсчитал тысячу, бросил деньги на стол.

– Лида, уходим! Галочка, где Мишка живет! Заберем его с собой!

Заспанная дежурная пустила в полночь Свету с мамой в Дом колхозника.

Утром они вышли на улицу. На лавке, поджав длинные ноги, натянув одеяло на голову, спал в ботинках папа. На земле, свернувшись в рыжий клубок, дремал Мишка.

В обед его забрал друг отца из соседнего совхоза:

– Добрый бычище получится! Породистый!

Света помахала вслед теленку ладошкой.

Пожар Рассказ

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...
А. С. Пушкин*

За давностью лет детские годы расплываются в воспоминаниях, возвращаясь в обертке невозможной привлекательности, ярких красочных обрывков, освещенных вспыхнувшими огоньками памяти.

И только теперь становится ясной та далекая палитра взволнованности и внутренних переживаний от восприятия такого удивительного мира и его событий.

В середине сентября родителям выделили коммунальный дом, в котором год никто не жил. Его «держали» в резерве для нового военкома, но тот отказался. Глина кусками отваливалась от стен, забор накренился, калитка оторвана.

Глиняное сооружение на высоком фундаменте внутри состояло из двух небольших комнат с печкой – голландкой, маленькой кухни с рухнувшей русской печкой и холодного коридора.

Шесть маленьких некрашенных окошек подслеповато тарацились из-под деревянной крыши, когда по скрипящим ступенькам поднялись в дом. Без ремонта жить здесь было невозможно. На стенах остались следы дождевых потоков. Низкий потолок провисал горбом.

Осень задерживалась, заблудившись, в бескрайних степях Заволжья, но работу никто не отменял. В единственный выходной отец с двумя парнями поднялись по высокой лестнице и, держась за воздух, целый день стучали молотками, перекрывая крышу новым рубероидом.

Потом пригласили печников, и мама поставила условие: ей нужна обычная печка с плитой и духовкой, на которой можно быстро готовить еду и печь пироги. Мастера почесали затылки и пошли копать глину в огромной яме за двором.

У них все время что-то не ладилось. В голландке дымоход был забит сажей, и папа после работы, не успев поужинать, вскоре стал похож на трубочиста из сказки Андерсена. Сырая глина не желала сохнуть, печка дымила, окна не открывались.

И тут пришло извещение, что на станцию прибыл багаж из Баку. Мама с папой всю ночь белили комнаты известкой, мыли полы.

Свету отвели к соседке Надежде Ивановне, где Света познакомилась со своей ровесницей Валею, внучкой бабушки Нади. Ее мать вышла замуж и уехала с новым мужем на Кавказ, оставив дочь в селе.

Дружба, завязавшаяся в холодный сентябрьский вечер, продлится на долгие двадцать лет.

Отец договорился в колхозе насчет полуторки и после бессонной ночи отправился за пятьдесят километров на станцию.

Откуда у них брались силы, в то время Света об этом не задумывалась. Мама с папой никогда не ругались, все делали вместе, весело пересмеиваясь, и, подшучивая, друг над дружкой. Теперь только от их выдержки и терпения зависело, когда семья сумеет войти в отремонтированный дом.

Втащили вещи, мама повесила занавески, и Света возликовала. В дом было проведено электричество и радио – всего на двух центральных улицах села. Родители сразу включили

рижский радиоприемник, установили антенну, стали крутить ручки настройки. А Света начала маршировать под музыку из простого черного ящика на стене.

В следующее воскресенье их семью пригласили в гости врачи больницы, где теперь работала мама заведующей лабораторией.

И, войдя во двор, мама с папой откровенно ахнули: это был маленький оазис пышно зеленеющих фруктовых деревьев, кустов высокой мальвы вдоль дорожки, небольшой клумбы цветущих астр у крыльца.

За забором – выжженная, без единой травинки голая улица, на которую за все лето выпали всего один или два бесполезных дождя. Пустыня в чистом виде. И дворы у всех, вытопанные скотиной.

На вопрос мамы, откуда это великолепие, хозяйка дома, Эсхиль Марковна призналась:

– Когда после окончания войны, весной 1946 года мы приехали в село, то сразу купили этот домик. Мы с Яковом Моисеевичем так устали от войны – все четыре года в прифронтовом госпитале. Дома, на Украине, все разрушено и сожжено. Никого из близких и родных. Вы знаете, как фашисты относились к людям нашей национальности – только смерть. Мы успели эвакуироваться, пешком дошли до Воронежа, а там сразу – в военный госпиталь. От Сталинграда двигались с госпиталем до Варшавы. Здесь, в селе не было ни одного врача. Только пожилая медсестра. И люди очень добрые. Вообще, удивительный край – прекрасная река, заповедный лес. Два наших сына, военные, предлагали перевезти нас в город. А мы тут так уже привыкли. Местные умельцы выкопали нам очень глубокий колодец, и вода в нем родниковая. Что же мы стоим на пороге? Заходите в дом.

Взрослые стали пробовать какое-то марочное вино из Армении, которое привез старший сын, разные закуски. Перед Светой поставили тарелочку с очень вкусными заварными пирожными и стакан яблочного компота. Взрослые стали вспоминать войну, Света вышла во двор:

– Я тоже хочу такой двор! И еще, чтобы были качели, как в Баку! – она стала нюхать махровые астры, трогать пальчиками большие белые цветки мальвы. – Почему мама с папой не купили такой же красивый дом?

И вдруг распахнулась калитка, во двор вбежал огромный дядька. Рубашка на нем была разорвана, руки и лицо в крови:

– Где доктор? Скорее, там человека убили! – прохрипел он и начал стонать, раскачиваясь.

Взрослые выбежали из дома. Яков Моисеевич, невысокий, полный, схватил дядьку за руку, спросил неожиданно резко:

– Ты пьяный, но живой! Что случилось? Где и кого ранили? Отвечай быстро и вразумительно!

– Там, в правлении сегодня отмечали день урожая! Столы накрыли, весь колхоз гулял, – мужчина еле стоял на ногах. – А потом – драка, Гришку пырнули ножом. Повариха полотенцем рану зажимает, а кровь фонтаном!

Но доктор уже не слушал. Он быстро надел белый халат, который вынесла его жена, взял черный саквояж, извиняющимся тоном сказал, обращаясь к маме:

– Лидочка, и вы со мной! Эсхиль Марковна, дайте и Лидочке халат! А сами, будьте добры, быстренько в больницу! Чтобы операционная была готова! Вот так всегда – никогда не дадут спокойно посидеть!

– Что же вам телефон не установят? Ведь до больницы не близко! Завтра же займусь этим вопросом! – возмутился папа. Он взял Свету за руку, и они стали догонять врачей.

Правление колхоза, старый кулацкий дом, располагался в метрах ста от Светино дома, и был окружен плотной толпой постоянно перемещающихся по кругу людей. Все кричали, размахивали руками, как заведенные куклы. При появлении Якова Моисеевича и мамы в белых халатах круг раздвинулся, и Света увидела лежащего на соломе человека.

– Срочно машину ищите! Н телеге мы его не довезем! – громко крикнул врач и добавил для мамы:

– Лидочка, тугую повязку и укол обезболивающий, там все в саквояже! – он снял окровавленное полотенце, осмотрел рану. – А группа крови какая у вас? Сдавали в госпитале кровь? Большая кровопотеря! Придется вам вырвать этого молодца!

Он выпрямился, поправил очки, оглядел толпу:

– Есть среди вас родственники этого паренька? Поедете с нами! Да, где же, черт возьми, машина?

Полуторку вытолкали из гаража несколько человек. Пьяный шофер никак не мог завести ее рукояткой. Завели. В кузов натолкали свежей соломы, кто-то кинул туда фуфайку, осторожно положили раненого, помогли забраться доктору и брату пострадавшего.

– А вы, Лидочка, садитесь в кабину, на вас теперь одна надежда!

Машина ушла, но люди не расходились. Во дворе женщины разбирали посуду со столов, остатки еды, мальчишки выхватывали друг у друга бублики, куски пирогов, и вдруг кто-то из толпы громко закричал:

– Пожар! Конюшня горит!

Или кто-то закурил и бросил непотушенный окурок, но угловой сарай на пустыре рядом с конюшней, куда уже завезли несколько больших телег свежей соломы, буквально за считанные минуты вдруг полыхнул вверх салютом черного дыма и горящих искр.

– Лошади в конюшне! Погорят! – разнеслось над толпой, люди сразу протрезвели. Из соседних дворов стали вытаскивать ведра, быстренько выстроились в две цепочки до двух ближайших колодцев. Но эти редкие порции воды не могли остановить набирающий силы страшный столб огня.

Света стояла в толпе испуганных женщин вместе с бабушкой Надей и Валею и видела, как папа с другими мужчинами отодвинули высокие ворота, и из конюшни начали выскакивать ошалевшие от близкой опасности испуганные лошади. Удержать их не смогли, они устремились маленьким слитным табуном по улице к реке.

Приехавшие на лошадях пожарные с бочками воды стали заливать деревянное здание правления, потому что пламя от сарая перекинулось на конюшню. Люди бежали со всего села. Теперь уже в четыре рукава передавали по длинной цепочке воду из реки, потому что вода в колодцах закончилась.

Правление отстояли, от конюшни остались только черные закопченные ворота и стойки для них, которые продолжали заливать еще целый час.

Неверующие люди крестились и благодарили Бога, что было тихо, и огненный смерч не прошелся по селу.

Подошедший милиционер пожаловался папе, что многие отказываются говорить правду, понимая, что страшный пожар унес все улики драки и поджога.

Папа в прожженной и черной от копоти рубашке взял Свету за руку и повел к реке, чтобы посмотреть лошадей.

И после страха от увиденного ужаса неподвластной людям огненной стихии: удивительное спокойствие неторопливой воды мирной реки, танцующие в воздухе ярко-желтые резные листья кленов, уже успокоившиеся красавицы – лошади, ярко пламенеющая за селом полоска заходящего солнца.

Высокие деревья на другом берегу реки застыли, как заколдованные, боясь разбудить нечаянно звенящую тишину уставшего дня.

Света впервые подумала, что именно здесь она научится быть такой же смелой, как папа: не будет бояться темноты подземелья и высоты крыш, научится обязательно ездить на мамином велосипеде, плавать на глубине, ловить удочкой рыбу и собирать грибы в лесу.

И у нее обязательно будет много настоящих друзей.

Наводнение Рассказ

*О, весна, без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!*

*Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!
Александр Блок.*

Почему вдруг взвиваются в памяти в ночные поздние часы такие удивительно ясные и живые образы ушедших близких и знакомых, прокручиваются записанные незримой камерой хроники прожитых лет, которые ты унесешь когда-нибудь с собой в небытие?

Ведь взрослые дети, становясь мудрее, ненавязчиво напоминают:

«Разложи по альбомам пачки фотографий из своей и жизни родителей, видишь, как нам некогда!»

Но откладываешь на потом это психологически неподъемное задание, хотя отчетливо понимаешь – орбита твоего планетарного движения не может быть бесконечной.

И таишь осторожную надежду – в оставшийся промежуток успеть прожить еще всплески неумемной радости, встречу с давней мечтой, невероятную влюбленность своего неутихающего сердца, даже горечь душевных потерь.

И продолжаешь улыбаться жизни.

Как трудно было снова привыкать к появлению в доме младшей сестренки Вики, которую родители привезли на ноябрьские праздники из города от маминой мамы! Без нее было так спокойно.

Внимание всех сразу переключилось на эту пухлявую светленькую четырехлетнюю малышку. Ее носили на руках, пели песенки, чирикали, умилялись, пока не устроили в садик.

И Светина самостоятельная жизнь в долгие зимние и весенние месяцы опять потекла ровно и спокойно. До лета. Научилась писать слова и считать до тысячи. Рисовала картины акварельными красками. Отказывалась ходить к бабушке Наде, не боялась сидеть дома одна.

«Скучно Светочке будет в школе!» – расстраивалась мама. Весенние, ослепительно солнечные дни сплелись в такой дивный хоровод новых знакомств, впечатлений, настроений и невероятных дел.

– Так, начинаем освоение целины в собственном дворе! – папа вернулся из городской командировки с мешком саженцев яблонь, груш и вишни. – Только воду придется таскать из общего колодца. Мама посадила в ящички семена помидоров и цветов.

Когда подсохла земля после долгого таяния снега, Света впервые попала на рыбалку. И все. Рыбачья болезнь оказалась такой прилипчивой, что осталась в крови на всю жизнь.

Ранним утром в воскресенье папа сажал Свету на багажник велосипеда, и они отправлялись на далекий пруд Темный за карасями. Азарт захлестывал. Клев был непрерывный. Рыбки в две-три Светины ладошки одна за другой отправлялись с крючка в большое ведро. Обратный путь шли пять километров пешком. Без нытья довольная Света сама несла свою удочку.

На майские праздники стояла у открытой калитки, ждала всех, чтобы идти на демонстрацию в центр. Подошли три мальчишки с их улицы, спросили:

– Раков вареных будешь?

Кивнула, хотя в жизни ни разу не ела. Прижала трех невиданных красавцев с длинными клешнями к новому пальто, за что получила нагоняй от мамы за жирные пятна. И пока очищали пальто, успела вытащить мальчишкам мамины плюшки с повидлом.

– Ты учишься в школе? – спросил самый старший. – Приходи после обеда на пустырь, будем в лапту играть.

После демонстрации собрались гости, сели за накрытый стол, а Света без разрешения сбежала из двора, взяв маленький резиновый мячик.

Лапта, вышибала, казаки-разбойники – новое пальто к вечеру оказалось все в грязи, шапка висела на заборе.

Солнце прогрело воздух, все бегали раздетыми, одна Света парилась, расстегнув пуговицы, боясь нарушить мамин запрет снимать пальто. Вот такую растрепанную, раскрасневшуюся ее привел домой папа. Мама после ужина поставила в наказание на целый час в угол.

Не ревела, вспоминая минуты азарта, как ловко увертывалась от ударов, научилась бить палкой по мячу, ловить «стучики». И так удачно спрятались в чужом сарае с Витькой, что их долго не могли найти.

Соседи с интересом смотрели, как каждое утро мама уезжала на работу в больницу на своем «женском», без рамы велосипеде. Таких велосипедов в селе ни у кого не было.

– Мама, а можно мне взять твой велосипед? Хочу научиться ездить!

– Света, папа опять в командировке на всю неделю по району! Мне Вику нужно из садика забрать, ужин, обед на завтра приготовить, постирать. А самой у тебя не получится! Жди возвращения папы!

– Мамочка, меня мальчишки будут учить!

Света научилась кататься за два вечера. Мальчишки бежали за ней сзади, держали по очереди за багажник, чтобы не упала, и ждали своей очереди, чтобы тоже поучиться. Правда, не обошлось без погнутых спиц.

Это открытие нового мира, своих возможностей, появившаяся уверенность в себе пресовали новые интересы. Книжки, куклы отдалились. Улица звала на простор из зажатости комнат, от строгих запретов покидать двор.

Стала ходить с мальчишками в центр за хлебом, когда родители были на работе, с маминим кошельком в матерчатой сумке. Терпеливо выстаивала в длинной очереди за сахаром, конфетами – подушечками и печеньем в пачках.

Энергия переполняла. И встреча со школой первого сентября не разочаровала. Было интересно.

Первый класс – большой, сорок два ученика. Посадили на третью парту с каким-то лопухим верзилкой, который тут же столкнул Светин «Букварь» на пол. Подняла молча. Опять столкнул. Тогда встала, пошла к доске без разрешения, куском мела прочертила на парте линию границы. Сосед в третий раз столкнул книжку и тетрадь. Встала и шарахнула его по голове «Букварем». Обоих до конца урока поставили в наказание к стенке.

На перемене во дворе три знакомых друга спросили:

– Никто не лезет? Только не молчи! Сразу проучим!

– Сама справлюсь.

С первого дня они почему-то признали ее лидерство и дали Свете кличку «Ефрейтор» – такое звание было у старшего брата Витьки, когда он пришел из армии. Кличка оставалась до седьмого класса.

Осень растянулась в очень неприятных воспоминаниях о ледяных дождях, о непролазной глине, в которой тонули повозки с лошадьми, застревали редкие грузовые машины, по колеям

от колес которых гуськом пробирались целый километр до школы. А потом долго мыли в топких лужах польняными вениками длинные черные резиновые сапоги.

Зима стала освобождением от плена надоевшей грязи, засверкала блестками переливающегося на замороженном солнце пышного снега, принесла новогодние чудеса и первый в жизни костюм волшебной Снежинки из накрахмаленной марли.

И еще Свете запомнился свой день рождения в январе, на который пригласила трех девочек из класса и своих верных друзей. Мальчишки подарили два флакона духов и книжку «Русские народные сказки», а подружки – три куска туалетного мыла и красивые носовые платочки. Мамин торт с розами и пирожные доедали всей компанией на следующий день.

Весной началось наводнение. На редкость снежная и лютая зима, внезапное таяние снега в конце марта, обильные дожди, глубоко промороженная почва, не принимавшая лишнюю влагу, – лед потемнел, река вскрылась, и уровень воды поднялся, как обычно.

Были весенние каникулы. В воскресенье Света с папой в обед дошли до маслозавода и с высокого косогора любовались безбрежным разливом реки с редкими плывущими льдинами.

Вечером папу срочно вызвали в райком: в соседнем районе в Саратовской области в верховьях реки Еруслан третий день льет проливной дождь, и есть угроза прорыва плотины. Нужно было готовиться к очень быстрому и высокому подъему воды.

Некоторые из жителей скептически отнеслись к призывам насыпать земляные холмы возле своих глинобитных домов:

– Где это вы видели, чтобы вода смогла подняться на пять метров и пойти по улице? Кто у речки живет, – там понятно, есть опасность. А другим можно спать спокойно.

Но таких было немного. На берегу воткнули в воду палку с нанесенными делениями. Уровень воды медленно поднимался.

Полночи под лунным холодящим разливом люди как муравьи копали за дворами сырую землю, таскали ведрами, мешками, возили на тачках, стараясь укрепить сплошную защитную линию перед дворами. Сообща помогали одиноким женщинам и старикам.

Не было обычных шуток и хохота. Тревожная напряженная тишина накрыла село, когда Света вышла на улицу. Несколько добровольцев развели костер и остались дежурить на берегу реки до утра в тулупах.

Проснулись на рассвете от громких тревожных ударов большого металлического колокола на пожарке. Это был сигнал тревоги.

Одевались в потемках, не зажигая керосиновой лампы. Света вылетела следом за родителями.

Было очень холодно и тихо. И в этой полутьме еще не проснувшегося утра по улице напозала осторожно, как-то хищно, черная вода. Он кралась, как живая, медленно поглощая все канавки и выступы, неуклонно ускоряя свой разлив во всю ширину. И люди отступали, потому что у них не было сил вручную противостоять этой мощи надвигающейся стихии.

Через час вода достигла Светино дома. Но родителей уже не было: мама отвела Вику к бабушке Наде и ушла на работу, приказав Свете не выходить из дома.

Отца приехавший милиционер на мотоцикле повез на окраину района, где вода ночью отрезала дальнейшее село, залив мост. Нужно было организовывать доставку продуктов и переправу людей на лодках.

К обеду вместо улицы была новая река. Свете надоело висеть на окне, она оделась и вышла за калитку.

Через два дома был переулочек, и вода пригнала откуда-то половинку от деревянных ворот. – Иди к нам! – закричал Сашка. – У нас тут море.

Плавали по переулочку по одному, отталкиваясь от дна деревянной лопаткой, которой зимой чистили снег.

– Ты легче нас, тебе можно и на улице поплавать! – авторитетно заявил Иван.

Света шагнула на доски. Мальчишки вытолкнули этот плот из переулка, и он застыл, не двигаясь. Но через некоторое время от реки стала надвигаться непонятная высокая волна. До села дошла та махина воды, прорвавшая далекую плотину в верховьях Еруслана.

Света вспомнила, как папа говорил, что в переводе с какого-то древнего языка: арслан, Еруслан – это лев. Испугаться она не успела, когда половинка крепких ворот вдруг начала укорять свое движение и поплыла на середину улицы.

– Прыгай в воду! – закричали мальчишки.

Плывать она не умела. Успела только посмотреть на окошко бабушки Нади, откуда ей махала ручкой Вика, и подумать: «Хоть бы с табуретки не упала!»

Небольшой уклон улицы заставил речной поток соединиться с озером, высохавшим летом, из которого по естественной низине вода с невероятным шумом устремлялась в овраг, выходящий на пруд. Этот естественный путь указывал, что все в природе закономерно совершалось не в первый раз. И, вероятно, не в последний. Этому Света не знала.

Она стояла, опиралась на лопату, и удивлялась, как быстро мелькают незнакомые дома по краям улицы, откуда ей махали испуганные люди. Было удивительное чувство полета над водой.

Четвертая часть огромного села с несколькими улицами была отрезана водой, став островом.

Светино плавание благополучно прервал охотовед, который дежурил на лодке у плотины, которую тракторами успели навернуть ночью, перегородив улицу и повернув воду в озеро.

– Испугалась, путешественница? – спросил он, когда Свету повели в ближайший дом греться.

– Нет! – соврала Света. – А как я теперь домой попаду?

– Где твоя мама работает? В больнице? Когда она будет с работы возвращаться, мы вас на лодке на ту сторону улицы перевезем.

В тепле протопленной избы молодая женщина накормила Свету куриной лапшой и уложила на коротенький диванчик. Разбудила ее мама.

К вечеру уровень воды перестал повышаться, установилось равновесие во всех сообщающихся естественных котлованах. Свету с мамой и других жителей, застигнутых разливом, по очереди перевезли на лодке.

Мама сердито молчала. Но Света знала, что в углу она сегодня стоять будет заслуженно.

Вода с улицы ушла через два дня. Каникулы продлили еще на неделю.

Следующие многоводные разливы будут в 1979 и 1991 году, когда люди опять не сумеют угадать до конца изощренные капризы проснувшейся реки, а она снова отыщет слабые места.

И затопит целую улицу новых домов, которые люди построили, вопреки предупреждениям, на проложенной исстари дороге воды, пострадав по своей вине.

Мушкетер Рассказ

*Трусов плодила
Наша планета,
Все же ей выпала честь —
Есть мушкетеры, (3 раза)
Есть!*

*Другу на помощь,
Вызволить друга
Из кабалы, из тюрьмы —
Шпагой клянемся, (3 раза)*

*Мы!
Михаил Аркадьевич Светлов. (1940 год).*

Вы, конечно, видели красочно – оформленные, объемные юбилейные альбомы в нарядных обложках, где в чередовании серо-черных с глянцевыми фотографиями высвечиваются наиболее яркие моменты прожитой жизни юбиляра.

И невольно в собственной памяти вспышками искр вычерчивают ассоциации, то с проливным летним дождем, когда в лужах на асфальте лопаются крупные пузыри теплой воды с небес. Или, как в зимнем сосновом лесу в морозном воздухе с веток осыпает тебя легкая серебристая изморозь причудливых снежинок.

А в осеннем лесу ветер несет сотни золотистых листьев высоко в небо вслед улетающим грустным клиньям диких гусей и уток.

И в настоящем времени именно эти вспышки наполняют душу не только сожалением о прожитых годах, но и радостью, что они были. Ведь каждый человек продолжает взволнованно и неторопливо мысленно листать страницы жизни, особенно те, которые были связаны с твоими родителями.

Кому-то жизнь – игра, когда судьба кидала свои камушки наугад, не боясь ошибиться. Для кого-то – это очень длинная дорога: непредсказуемая, опасная, наполненная нетерпением и трудом, любовью и смелостью. А кто-то прижимает мысленно к сердцу сверток, рулон серебристой ткани, на которой любая чудесная искорка зажигала когда-то свет каждого дня маленькими сполохами свершившихся дел и событий.

Дорогой Саша – сказала мама. – Нам предстоит новая работа, причем, творческая! Представляешь, у Светочки в школе появилась чудесная пионервожатая! Предложила девочкам в 4 классе подготовить интересный танец «Лотосы». Наша Света записалась. Нам нужно сделать конструкции из алюминиевой проволоки, вот чертеж: два соединенных круга, один большой, а другой – внутри. Все это сооружение, накрытое крашеной марлей зеленого цвета, будет прикреплено к юбке. И на нем должны возвышаться по четыре розовых цветка лотоса. У всех девочек – белые кофточки, а у солистки – розовая.

– А время-то хоть есть? – папа никогда не возмущался. Он всегда был человеком дела. Сразу реально представлял, какие материалы потребуются, сколько это занятие займет времени, и, главное, где это время взять.

Оставшись в семилетнем возрасте после смерти матери от тифа круглым сиротой (отец его тоже умер от тифа в 1918 году, когда малышу было только четыре года), скитался до двенадцати лет по детским домам Поволжья. Лишенный материнской любви, он не нашел ее в приемной семье двоюродной сестры, у которой было множество мужей, но никогда не было своих

детей, только приемные. И после войны, выпив лишнего, она призналась, что взяла двух мальчиков из детдома только из-за большого приданого, которое давали вместе с детьми: швейную машинку, вещи, корову, деньги. Второй приемный юноша, тоже Александр, пропал без вести в первые месяцы войны, и поиски его не увенчались успехом.

С танцем должны были выступить восьмого марта на общешкольном родительском собрании. Репетировали каждый день. Задержка была за костюмами. Ведь нужно было двигаться в танце очень плавно, перебирая ногами, делая мелкие шаги в маленьком круге. «Лотосы» – девочки должны были «плыть по воде». Вожатая рассказывала, что в педагогическом училище после их выступления у всех зрителей был буквально шок.

В воскресенье у папы не было дежурства и командировок в райкоме, и он в кухне начал изготовление сразу двух конструкций: для Светы и ее подруги Маши, у которой не было отца.

Мама принесла из лаборатории какие-то химикаты, смещала их, и десять метров окрашенной и крахмаленной марли повесили тут же в кухне на веревке стекать и сушиться.

Бабушка Анна, которая умерла очень рано, и которую Света запомнила очень смутно, была портнихой, этому искусству кроить и шить такие крупные вещи, как пальто, костюмы, платья, научила маму. И фантазии мамы, огромной стопки различных выкроек и журналов хватало на самые яркие модели.

За день и ночь подставки вместе с роскошными цветами были готовы. А папы и мамы остальных трех девочек приходили перенимать опыт изготовления. Свету поставили солисткой из-за роста – выше всех.

Когда начались репетиции в костюмах, – это было сплошное мучение. Пластинка, под музыку которой танцевали, стерлась и заедала из-за бесконечных повторений. Спасибо баянисту, который выучил на слух мелодию при условии, что группа выступит на концерте в Доме культуры.

«Терпение и труд – все перетрут». Случилось чудо, когда, наконец-то, «поплыли» зеленые «лужайки» с высокими искусственными цветами ровненько и в такт. Жаль, что кадры, которые сделал корреспондент местной районной газеты, остались только в архивах редакции.

Успех скромной пионервожатой, девочек и их родителей был оценен. В мае на районном смотре художественной самодеятельности получили первое место и успешно выступили на областном конкурсе в Палласовке.

Эта волна творчества захлестывала всю семью постоянно. С пятого по восьмой классы – занятия Светы в хореографическом кружке, где преподавал сначала хирург районной больницы, а потом семейная пара уже опытных педагогов, окончивших Волгоградское культпросвет училище и приехавших в село из-за проблем с жильем в городе.

Дома готовились самые различные костюмы, начиная от украинского, русского, грузинского и других. Денег на заказы в мастерской у родителей не было. Материалы доставали на местной базе райпотребсоюза по знакомству сразу для всех участников.

В шестом классе вспыхнуло увлечение кукольным театром. Отдаленность от больших городов отгораживала даже большие населенные пункты от выступлений различных передвижных артистов. И яркое представление городского кукольного театра сразу взвинтило воображение многих.

Главная проблема в те времена обозначалась сразу: материал типа ситца или сатина был в числе самых дефицитных товаров. И выпросить кусок на обивку реек ширмы было просто невозможно. Ситец и сатин шли по прямому назначению – на платья, сарафаны, халаты, постельное белье.

Выход был найден. На сбитой отцом из реек складывающейся ширме вверху были прибиты гвозди, на которые перед выступлением прикручивали ситцевые занавески из двух кухонь: в доме и летней. На петельках подвешивали тонкое байковое одеяло. Вот на такие

«жертвы» шли оба родителя, постоянно поддерживая детский настрой на коллективное творчество, упорные репетиции, тщательную подготовку костюмов и реквизита.

Верные друзья: Витька, Сашка и Иван – учились в противоположном классе, но проживание на одной улице приучило эту неразлучную троицу за долгие годы дожидаться Свету после уроков, вместе брести ночью домой по темным, без фонарей улицам, когда стали учиться во вторую смену в 6, 7 и 8 классах.

Повзрослев, мальчишки стали стесняться приходиться к Свете домой, побаивались насмешек сверстников, возможно, и строгих родителей Светы. На восьмое марта в 6 классе подарили ей флакон духов «Серебристый ландыш» и открытку с надписью: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой».

И вот эта открытка попала Свете случайно в начале седьмого класса. Летом прочитала залпом все тома про приключения мушкетеров, и теперь сразу же представила их всех четверых, вместе с ней, конечно, со шпагами в костюмах мушкетеров. Никто книг не читал, но цветной французско-итальянский фильм поразил воображение всех. И такие вредные оказались мальчишки – никто не захотел быть толстым обжорой Портосом. После долгих уговоров решили кинуть жребий и сразу стали откликаться на прозвища: Д'Артаньян, Атос, Арамис и Света — миледи.

– Что мы, как дураки, будем молча вокруг елки ходить? Костюмы надо защищать! – сказал недовольный Витька- Арамис.

– Давайте еще парочку пацанов подговорим и устроим схватку на шпагах! – предложил довольный Иван – Д'Артаньян.

– Может быть, сценку разыграем, как будем миледи казнить? – Сашка – Атос сразу представил себя в главной роли.

Но это не устраивало Свету. Мама из старой красной бархатной скатерти пообещала сделать настоящую пышную юбку, роскошную накидку и, соответственно, высокую прическу. И валяться в ногах своих друзей Света не собиралась. Вопрос оставался открытым, а на улице заканчивался ноябрь.

Света собиралась в обед в школу, когда по радио совершенно случайно услышала незнакомую песенку со словами: «Есть мушкетеры, есть мушкетеры, есть мушкетеры, есть!» Она включила радио на полный звук, но это был последний куплет. И, опоздав в школу, Света прослушала рассказ о поэте и драматурге Михаиле Светлове, авторе известного стихотворения «Гренада», которое почти все знали как песню.

Света прямиком отправилась в детскую библиотеку, попросила сборник избранных стихотворений Михаила Светлова, и с большим волнением нашла стихотворение, в котором были слова: «Другу на помощь, вызволить друга, из кабалы, из тюрьмы, шпагой клянемся, шпагой клянемся, шпагой клянемся мы!»

Мотив песни был простой, она его запомнила, и сразу отправилась к учительнице музыки, которая моментально наиграла песню на пианино, потому что сама знала ее.

Костюмы для всех троих мальчишек делали в воскресенье под руководством Светиной мамы. А папа помог идеей, как сделать настоящие шпаги, с помощью консервных крышек – рукоятки, дал тонкие рейки и специальную краску-серебрянку.

Из кусков синего, черного и красного сатина сделали плащи, украсив их елочной мишурой. Из крахмальных бинтов получились белоснежные воротники и пышные манжеты. Из шелковых остатков от пошитых платьев получились яркие перевязи.

А в следующее воскресенье дошла, наконец, очередь до черных мушкетерских шляп с огромными белыми перьями из папиросной бумаги. Разделились на группы: одни вырезали по шаблону круги для шляпы, другие на полу, на расстеленных газетах красили черной тушью поля шляп. Света вырезала ножницами перья, Мама клеила цилиндры на готовые поля.

Сейчас, вспоминая с необыкновенной яркостью эти дни подготовки к новогоднему карнавалу, понимаешь, как мы, дети, были эгоистичны, забывая, что для семьи из четырех человек и трех гостей-мальчишек у мамы были приготовлены и завтрак, и обед, испечены душистые пироги, подоена корова, постирано белье.

Когда она все это успевала, даря свой единственный выходной день на общение со своими и чужими детьми? И отец должен был почистить у животных, принести из далекого колодца шесть-восемь ведер воды для стирки и скотины.

Да, тогда не было телевизоров, которые незаметно поглощают невидимое время. И, самое главное, родителям Светы все происходящее было интересно, увлекательно, потому что они жили все одной дружной семьей.

На новогоднем карнавале было много очень интересных костюмов. Песня мушкетеров произвела впечатление разорвавшейся бомбы – голоса были неожиданно сильными, а слова – находка. Классная руководительница даже простила, что спели про трактиры. Новый год запомнился.

Но главный сюрприз и загадка этого новогоднего праздника были еще впереди.

Ежегодно родители Светы покупали билеты на новогоднее представление для взрослых. Просили Свету закрыть за ними дверь на крючок, проверяли все задвижки на дымоходах, чтобы дети не отравились угарным газом, и уходили на всю ночь в Дом культуры 31 декабря.

Света уткнулась в какую-то книжку, сестренка рисовала на кухонном столе, и Света не обращала внимания на сборы родителей на новогодний бал, заметив, что они возбуждены и весело смеются. Она закрыла дверь, съела кусок пирога и улетела в воображаемый мир.

Впереди были каникулы, новогодние подарки, которые родители успевали как-то неуловимо положить под нарядную сосну. Буквально за несколько секунд – ничего не было, а пока оглянешься – уже стоят или кульки, или новые коньки, или новые теплые варежки, шапка и шарф. Новогодние чудеса!

Пример новогоднего музыкального кинофильма «Карнавальная ночь» пытались в своих условиях повторить во многих самых далеких селах. Конечно, не было такой роскоши, моря музыки и шампанского, пышных фейерверков и световых эффектов, но была искренность, радость, молодость, веселье и теснота, так как приходили даже солидные пары.

Мама Светы появилась на вечере в новом платье, с прической, в туфлях на каблуках, но одна, объяснив, что мужа поставили дежурить в райкоме в новогоднюю ночь.

Знакомые посочувствовали, но тут началось костюмированное представление интересных новогодних гостей. В основном, это были женские костюмы: Снегурочки, цыганки, матрешки, женщины в костюмах Татьяны Лариной, Евгения Онегина, запорожских казаков, Луны, Солнца. И лица всех были обязательно скрыты масками. А мужских костюмов, как всегда, было мало. И тут неожиданно появился настоящий Мушкетер. Он пригласил молоденькую Снегурочку, и они открыли танцы вальсом.

Костюм Мушкетера был расшит блестками, на плечах – воротник из настоящих кружев, из армейских кожаных сапог — шикарные ботфорты из кожи. Женщины расстраивались в догадках: кто этот высокий красавец в глухой маске на лице? Он танцевал с многими женщинами, в том числе, и со Светиной матерью, но никто его не узнал. В конце программы он исполнил песню мушкетеров, но голос тоже никто не узнал. Подумали почему-то, что этого человека прислали из области уполномоченным.

Секрет через два дня раскрыла всем библиотекарь парткабинета райкома партии, которая работала с отцом Светы. Ведь костюм, который приготовили родители по ночам, когда дочери спали, хранился в шкафу райкома. И переодевался отец там же.

Светиному папе – Мушкетеру – подарили первый приз: письменный набор из камня. И этот приз пережил своего хозяина, прожившего на белом свете 95 лет.

С какой радостью и страстью жили они, воины, прошедшие огонь, кровь, взрывы, ранения, потерю друзей и сослуживцев, этот долгий ужас отступления, страшных жертв, невозможных страданий проклятой войны!

А женщины – вдовы, потерявшие своих кормильцев? Поднимавшие на мизерные зарплаты и пенсии детей, умывающиеся потом и слезами на колхозных полях и плантациях почти круглый год, таскающие на своих плечах мешки с комбикормом, огромные бидоны с молоком от коров, потому что нет мужиков, нет помощи!

Достав свои пахнущие нафталином довоенные шелковые платья и платочки, они ласково гладили колючую хвою наряженной огромной сосны, не веря до конца, что остались в недалеком прошлом такие невозможные и страшные ночи и дни. А сейчас звучит веселая музыка именно для тебя, и можно вздохнуть радость полной грудью!

Для Светы ее отец всегда был и остается истинным Мушкетером – защитником своей страны, всех слабых и униженных, искренним и надежным другом, любящим и нежным отцом, сильным и уверенным, настоящим мужчиной.

Фестиваль Рассказ

*Люблю я жизнь – когда она полна.
Когда мгновений я не замечаю,
Когда она бушует как волна,
Вздыхается, стремясь к иному краю,
И падает, борьбой упоена
Люблю тоску с немым ее покоем
И торжество невысказанных мук.
Люблю любовь с ее минутным зноем
И бурю встреч, и тишину разлук.*

Мирра Лохвицкая. (1902).

Никогда не поверю ни одному человеку, что в пролетевшей стремительно жизни все было буднично и привычно. Просто в какой-то момент так получилось, что он или она застегнули на все пуговицы свою душу, собрали торопливо в дорожную сумку груз полегчавших воспоминаний и приготовились к отлету.

А зачем спешить? Никто не знает расписания своей жизни. Время прилета гинекологи еще стараются предугадать по недельным срокам, привлекая умные аппараты. А уж насчет отлета – время торопить не нужно. Закаты и рассветы никто не собирается отменять.

И, если сердцу вдруг становится тесно в груди, открой любой сборник стихов и повторяй, например, с Федором Сологубом:

Люби меня просто, как любит ручей,

Звеня и целуя, и мой, и ничей.

Прильни и отдайся, и дальше беги.

Разлюбишь, забудешь – не бойся, не лги.

Вспомни самое незабываемое в жизни и с надеждой живи дальше!

– Саша, горит наша Светлана! Температура 39 градусов! Беги скорее за Эсхилью Марковной, пока они с мужем не ушли в больницу!

Попала Света в руки детского врача Эсхиль Марковны на два долгих месяца – до самого Нового года.

– Лидочка! – сказала доктор маме, откинув одеяло и трогая холодной рукой пышущий лоб. – Скарлатина во всей красе. Видите, мелкоточечная сыпь, на лице – белый носогубный треугольник остался. Вам нужно срочно изолировать младшую Вику. Очень заразная болезнь. И вакцины никакой нет. Постельный режим, уколы. Выпишу вам больничный. Светочка, полежишь, от уроков отдохнешь!

Сыпь прошла, шелушилась кожа на ладонях, а потом, откуда ни возьмись, свалилось осложнение – ревматизм. Отвезли на старенькой «Скорой помощи» в общую больницу, положили в детскую палату. И от тех невозможных лет остался в памяти бесконечный плач малышей, рвотный вкус переливающейся снежной белизной салицилки и вид ненавистной ложки с рыбьим жиром.

За месяц непрекращающихся уколов боли в коленях и локтях исчезли, но общая слабость не проходила. Чувствовала себя маленькой немощной старушкой, которую освободили от уроков физкультуры, пичкали витаминами и не разрешали кататься на санках с высокого обрыва на берегу речки.

Взрослела до лета вместе с героями книг «Овод», «Том Сойер», «Приключения барона Мюнхаузена, сказок Пушкина и Бажова.

А с приходом весны поняла, что в свои девять лет попала в капкан детской игры «Лабиринт» – куда не толкнешься, везде нет прохода. На рыбалку нельзя – забудешься, залезешь по колено в речку. Бегать в догонялки – нельзя, пока не посмотрит доктор в областной больнице.

И впервые это отчуждение от обычных детских забот и развлечений повернуло мысли на непривычную изнанку рассуждений и наблюдений за тем, как разнообразен и прекрасен мир за окном, в обществе распускающихся цветов на клумбе, под ногами.

В областную клинику поехали на поезде только в десятых числах июля, когда маме дали отпуск. И на всякий случай она собрала в сумку летние Светины вещи – вдруг положат на стационаре.

Решение городского врача было неожиданное – Свете выписали путевку в детский подмосковный санаторий в Малаховке с 15 июля 1957 года. И вечером из Волгограда Света с мамой отправились на поезде в Москву.

Началось ожидание чудес. Рассказы мамы о чудесных эскалаторах метро, старинных башнях Кремля, о лифте в высотном доме, где живут родственники, были ярче сказочных и подтвердились наяву.

И это ощущение волшебства, погружения в мир огромного города закончилось у стен двухэтажного корпуса в окружении невероятно высоких сосен, когда воспитательница детского санатория взяла за руку Свету после прощания с мамой и повела знакомиться с девочками и мальчиками их группы на деревянной веранде.

Ей надели на голову только что сплетенный из полевых цветов венок, затянули в веселый хоровод, заставили рассказывать стихотворение. И немножко всплакнула Света о маме только ночью, когда в окошко заглянула большая луна.

Ощущение самостоятельности к каждому приходит по-разному. Но, когда ты из мира родительской любви и защиты попадаешь в мир доброты чужих людей, понимаешь, что разлука временная.

И начинаешь задавать невольно вопросы себе: почему твои шаги по жизни привели именно тебя в этот божественный лес со спелой земляникой на опушке? А радуга над лугом улыбается тебе, наверное, не случайно после обязательного утреннего дождя?

На очередном занятии воспитательница Ольга Николаевна стала читать «Пионерскую правду», показала всем яркие картинки открытия на стадионе в Лужниках 6-ого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И все не могли оторваться от вида прекрасных девушек в летящих шикарных платьях, от эмблемы фестиваля в форме огромной ромашки на бело-снежных флагах.

О фестивальных «реках» гостей и жителей на улицах Москвы говорили все: приезжавшие врачи и медсестры, воспитатели, поварахи, уборщицы, дворник.

Детвора впитывала эти разговоры, наполняясь любопытством и желанием, хотя бы одним глазком посмотреть на иностранцев, негров в ярких одеждах, увидеть удивительные танцы прямо на проезжей части проспектов, представляя тысячи голубей, которых выпустили в небо в день открытия.

Санаторную смену называли «фестивальной». И Светина младшая группа стала победителем музыкально – танцевального конкурса «За мир и дружбу». Перед сном после ужина Ольга Николаевна осторожно намекнула, что завтра всех ждет сюрприз. Фантазии дальше торта для победителей не улетели.

Но, когда на утренней линейке перед всем строем главный врач санатория сказал, что победители награждаются двухчасовой экскурсией на фестиваль в Москву, произошло стол-

потворение. Все кричали, обнимались, повисли на врачах, воспитателях, даже те, кто никуда не ехал.

Шофер сразу предупредил, что до центра столицы автобус не проберется: там все движение остановлено из-за толп гуляющих людей. Зная Москву, он постарается выехать к одному из парков, где установлены сцены и можно будет посмотреть выступления многочисленных гостей из-за границы. Ведь дети могли захотеть в туалет, а дорога неблизкая.

Свете повезло сесть к окошку. Флаги, транспаранты, гирлянды искусственных цветов – город приготовился к встрече гостей. Дома, в селе, к праздничным датам вывешивали только красные флаги или просто куски красного материала на обструганных палках.

Сначала движение на широком проспекте было свободное, но постепенно скорость стала замедляться. Из прилегающих улиц в общий поток стали вливаться новые автобусы, из окон которых выглядывали и махали руками улыбающиеся люди.

Вот совсем близко обогнал автобус с темнокожими девушками и юношами. На перекрестке милиционер в белой гимнастерке показал рукой поворот направо, и дальше дороги не было.

На двух грузовых машинах с откинутыми бортами плыли в танце китайки, как объяснила Ольга Николаевна. Потом танцевали грузинский танец воздушные солистки с белыми длинными шарфами в сопровождении горцев.

Рядом с санаторным автобусом остановился автобус с европейской делегацией. Девушка, сидевшая у окна напротив Светы, сняла с шеи светло-зеленую косынку с фестивальной ромашкой и протянула вместе с флажком своей страны, проговорив коряво, с акцентом: «Мир! Дружба!»

Света выдернула из своей косы большой красный шелковый бант, развязала его, протянула в окошко незнакомке. Та вскочила, начала размахивать этой лентой. Все дружно запели свою песню.

– Французы! – сказала воспитательница. – Они поют «Марсельезу» – свой гимн.

Автобус с французской делегацией сумел вывернуться на соседнюю улицу, а на его место тут же переместился автобус с делегацией из какой-то южноамериканской страны. В нем был установлен большой барабан, который заглушал все разговоры. Увидев детей, в окошки стали передавать конфеты и румяные яблоки.

– Ничего не берите! – напрасно повышала голос воспитательница.

Какая-то мулатка с накрученным на голове высоким полосатым тюрбаном попросила шофера жестами открыть дверь и передала физруку, сидевшему за водителем, большой бумажный пакет с сушеными финиками и сетку с бананами от делегации из Африки.

Посоветовавшись с врачом, взрослые решили, что такой избыток впечатлений уже превысил все ожидаемые фантазии. И каким – то чудом шофер вывернул автобус в относительно спокойный переулочек, чтобы вернуться назад.

Еще два раза останавливались возле импровизированных сцен, чтобы посмотреть экзотические танцы неизвестных народностей, танцующих босиком в пышных костюмах, наши раздольные русские пляски, украинский гопак.

Остановился автобус на обочине у осинового леса, и все наперегонки бросились в кусты. Потому что от необычной жары выпили всю захваченную с собой воду.

И наслаждались такой привычной тишиной задумчивого леса, когда только шум пронесшихся по шоссе машин перебивал пение птиц в зарослях.

В столовой по-братски поделили все привезенные заморские угощения. Разноцветные флажки неизвестных стран отдали в пионерскую комнату. А подаренную косынку с фестивальной ромашкой Света бережно спрятала, чтобы привезти домой вместе с адресами друзей из двадцати разных мест Советского Союза.

На музыкальных занятиях под аккордеон выучили и пели официальную песню фестиваля «Подмосковные вечера», написанную в 1955 году.

С пятого класса позже Света почти десять лет переписывалась с девочками из Праги на русском языке и из Дрездена на немецком языке, посылала кукол и мишек, в ответ получала интересные игрушки и открытки.

Уже став взрослой, Света узнала, что в 1949 году в Париже проходил 1-й Всемирный конгресс сторонников мира. Требовалась эмблема. Знаменитый Пабло Пикассо, вспомнив, очевидно, древние легенды, изобразил голубку с оливковой веточкой в клюве. Так голубь стал символом мира. А тогда, в детстве, долго в письмах друг другу рисовали голубку.

В 1985 году в Москве вновь проходил уже двенадцатый по счету Фестиваль молодежи. И, закрутившись в своей взрослой ответственной жизни и работе, с благодарностью нашла в доме у родителей ту французскую косыночку с ромашкой. У которой разноцветные лепестки обозначали пять континентов: красный – Европу, желтый – Азию, синий – Америку, фиолетовый – Африку, зеленый – Австралию. А в сердцевине был изображен глобус с надписью: «За мир и дружбу».

В эпоху торжества интернета Света узнала, что автор эмблемы, московский художник Константин Кузчиков, победивший в конкурсе, получил приз – 100 рублей и радиолу, что по тем временам считалось очень ценным подарком.

Свидетели тех событий напишут, спустя десятилетия, что «фестиваль пробил брешь в „железном занавесе“, которым СССР был отгорожен от всего мира». Что достоянием страны стало знакомство с джинсами, рок-н-роллом, жвачками, картинами абстракционистов и др.

Для миллионов москвичей и гостей столицы, как и для девочки из далекого Заволжья, этот всплеск эмоций, знакомства с малой частичкой многообразия языков, танцев, музыкальных ритмов, одежды молодежи из 131 страны мира остался в памяти яркой строчкой незабываемых впечатлений.

Вербы Рассказ.

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор
Пусть мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.*

Осип Мандельштам (1909г.)

Если крикнуть вдруг во всю силу своих легких на берегу осенней спокойной реки: «Как же ты прекрасен мир!», – то только стая удивленных ворон взвывается над оголенными деревьями, нарушив устоявшееся равновесие звуков и тишины.

А потоку кипящих воспоминаний, чтобы выплеснуться из озер застоявшейся памяти в ярких образах и мельчайших подробностях, достаточно одного или двух ключевых слов, чтобы затопить твою бессмертную душу восторгом детской чистоты и ощущением бесконечного счастья.

Сегодня эти слова: МАМА и ВЕРБЫ.

Времени стало стремительно не хватать. Оно закручивалось в тугой клубок вместе с короткими бесцветными днями, пронзительным ледяным холодом черных зимних ночей, когда даже выросший из маленького песика в густошерстную овчарку Дружок не хотел выходить на пронзительный ветер улицы и укладывался на старый половичок у порога.

И, закрывая нос связанной мамой нарядной варежкой, бросив тяжелый портфель на диван после школы, назло всем этим северным ветрам Света выбегала на улицу, где вместе со всеми лопатами отчаянно сгребали снег, расчищали вновь и вновь место катка. И гоняла самодельной клюшкой с мальчишками шайбу до первой далекой звезды, не ощущая жгучего мороза.

Света ждала весну. И радовалась распускающемуся огромному красному бутону лилии, который послужил образцом, наверное, сказочник Бажову, создавшему легенду о волшебном каменном цветке.

Постепенно, незаметно наплывало в минуты покоя осознанное ощущение своего роста: платья становились малы, зимнее пальто не сходилось на груди, волосы из двух косичек просились в тугую косу ниже пояса.

Учебные занятия мелькали без видимых усилий. Все было обыденно и привычно, напоминая процесс прокручивания мясорубки: что не положишь, все равно масса ляжет одинаковыми равномерными колечками розоватого фарша.

И вдруг в середине января – обвальная новость: в Доме пионеров открывается хореографический кружок. Занятия в нем будет вести новый хирург из больницы, окончивший в городе хореографическое училище.

В понедельник три десятка желающих записаться девчонок и мальчишек штурмовали обледеневшие ступеньки старинного здания в центре села.

Геннадий Васильевич, так звали хирурга, вышел на крыльцо в роскошном мягком свитере с оленями на груди, легких спортивных брюках и туфлях, без головного убора и предложил заходить только ученикам пятого класса, а старшим прийти на занятия в воскресенье.

Света и три ее неразлучных друга протиснулись первыми.

– Елена Григорьевна! – обратился хирург к директору Дома пионеров. – Не знаю, что у нас получится, но они уже – переростки. Смотрите, какие у них уже сложившиеся фигуры! Ломать, ставить выворотность рук и ног поздно! Они не выдержат нагрузок!

– Геннадий Васильевич! Вы плохо знаете сельских мальчишек и девчонок! Они самостоятельны, их не нужно, как в городе, родителям водить на занятия! Они пытливы и любопытны, и они, в конце концов, лишены здесь всех благ цивилизации. Начните занятия и убедитесь в моей правоте!

В большой классной комнате сдвинули длинные столы к стенке, каждому дали по стулу, поставили вдоль стен. Обувь спортивной никто не взял, и на холодном полу стояли в толстых шерстяных носках.

Все было в новинку: и позиции ног, чтобы не сгибать колени, и медленные приседания, и непонятные команды на французском языке, которые тут же забывались.

В классе было жарко, вспотели и думали только о той минуте, когда преподаватель скажет: «На сегодня достаточно».

С красными физиономиями, в широких спортивных штанах, теплых свитерах группа представляла довольно интересную толпу будущих танцоров.

Витька не удержался и просил:

– А мы сегодня будем танец разучивать?

Геннадия Васильевича прорвало, Он хохотал так по-мальчишески звонко и долго, что слезы выступили у него на глазах.

– Устали? – он разрешил всем сесть, наконец-то, на стулья, спинки которых служили подпорками. – Смотрите, когда у вас будет получаться так примерно, как я вам покажу сейчас, мы начнем разучивать танец.

Восхищение – это чувство захлестнет Свету на долгие три года, пока этот волшебник будет вести занятия. Оно станет главным. И, перемешавшись с букетом других ощущений, впечатлений, легкой влюбленностью, радостью, удивлением, останется на всю жизнь мерилем прекрасного. Ведь каждый сумеет выработать уверенность в себе, чувство ритма, растяжки, развить художественный вкус.

Изменится походка, придет умение грациозно поворачиваться, держать спину. На занятиях будут звучать с пластинок старенького проигрывателя фрагменты из балетов «Лебединое озеро», «Щелкунчик» Чайковского, русские народные песни, современные мелодии.

А пока были только расстройства от того, что ноги не гнулись, руки были как лопатки и не желали повторять за преподавателем гибкую «волну» размаха крыла. Все мышцы болели. И самый легкий способ избавиться от этих мучений – плюнуть на занятия и забыть их как страшный сон. Несколько человек не выдержали.

Топот стоял, будто стадо слонов случайно прошло по улице рядом с Домом пионеров, когда, разбившись на пары, стали отрабатывать первые танцевальные движения. Геннадий Васильевич не смеялся. Он тогда, видимо, окончательно решил, что подготовка будущих танцоров из этих недорослей – провальная затея.

Так дожили до 23 февраля – Дня Советской Армии. День был рабочий, но вечером в новом, недавно открывшемся Доме культуры планировался доклад и праздничный концерт.

Мама предложила Свете утром за завтраком пойти вместе с ними:

– Посмотришь, как Геннадий Васильевич будет выступать.

Зал был переполнен задолго до концерта. Люди стояли плотно вдоль боковых стен, толпились сзади.

Было жарко. Стали снимать пальто и полушубки. Концерт растянулся на полтора часа. Пел хор, выступали солисты с песнями под баян, читали стихи.

Но зал затих, когда на сцену вышли в испанском костюме Геннадий Васильевич и его партнерша в ярко-красном платье с широченной юбкой и цветком в волосах.

Это чудо танца, чувства и эмоции танцоров, необычность созданных на сцене образов поразили. Зал захлебнулся аплодисментами, люди вскакивали с мест, одежда падала на пол, но никто не обращал на это внимания. Такого никто никогда не видел. Танец повторили еще два раза.

А потом, переодев костюмы, солисты подарили всем «Венский вальс» под музыку Штрауса. Платье солистки было сшито из белых тюлевых занавесок. И эта летящая стремительность, изящество, легкость движений поставили последнюю точку в сомнениях, получится ли так же научиться танцевать. Разговоров и обсуждений концерта хватило на долгую неделю.

На другой день по дороге в школу Света не умолкала, расписав мальчишкам и понравившийся стук кастаньет, взрывную мелодию, чечетку и, как сказала мама, «любовь в танце».

Занятия кружка строились под график работы Геннадия Васильевича, переносились, если у него были срочные операции.

Вечером мальчишки принесли Свете домой большой пучок нераспустившихся верб. Иван пошутил:

– Возьми, подаришь своему Геннадию Васильевичу. Ты же в него влюбилась!

Света вспыхнула:

– Кто влюбился? Думай, что говоришь! Я книжку ему от нас подписала. Вот: Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке». Что ты в любви понимаешь? Я его просто уважаю. А вы? Разве вы его не уважаете? Елена Григорьевна говорила учителям: «Геннадий Васильевич стремится сделать из моих кружковцев гармоничные личности. Чтобы через танец помочь каждому познать свою индивидуальность, культуру других народов». Что вы ко мне пристали? Пошли скорее, а то опоздаем.

Геннадия Васильевича завалили книгами и открытками. Он был взволнован. Поблагодарил за вербы и подарки, сказал:

– Пусть моя хозяйка обрадуется весеннему привету!

Но занятие не отменил, был строг, суров, терпелив, вновь и вновь заставлял махать ногами и приседать. В конце распределил всех по парам, обрадовал:

– Начинаем готовить русский народный танец к районному смотру в мае.

Света всегда незаметно рассматривала преподавателя, его подтянутую фигуру, немножко надменное лицо, когда он при разговоре смотрел прямо в лицо, говорил решительно, немногословно. Но его рыжие глаза были добрыми, и хотелось прикоснуться ладонью к густому светлomu чубу.

Она начинала понимать старшекласниц, которые повально были в него влюблены, писали записки, назначали свидания. Но в городе у Геннадия Васильевича была невеста.

И в канун Международного женского праздника Света вдруг вспомнила про вербы.

Зима была снежная, но в середине февраля неожиданная оттепель вместо снегопадов принесла ледяной дождь, который сразу опустил сугробы. Днем дороги начали заполняться тающим снегом, ночные морозы выжигали воду, и эта борьба наступающей весны с угрюмостью стылой зимы продолжалась полмесяца.

После школы Света зашла к подруге, но ту мать не пустила в лес. Солнце уже ощутимо грело правую щеку, когда Света добралась до огромных зарослей краснотала далеко за больницей на берегу реки. Темные колпачки с почек распустившейся вербы давно соскочили, и теперь

из снежных сугробов поднимались и буквально светились на солнце ожившие ветки проснувшегося кустарника.

Проваливаясь по колено, Света набрала полные сапоги снега, но этот азарт нарвать побольше пучок, чтобы подарить учителям, подружкам, заставлял лезть в глубину куста.

На обратной дороге решила срезать угол, чтобы не идти через плотину, а рискнуть и перебраться через край оврага по льду.

Первые переселенцы строили свои саманные избы вдоль реки, поближе к воде. И теперь Свете нужно было пройти несколько метров мимо проволочного забора самого последнего дома на улице, который опоясывал старый разросшийся сад на дне засыпанного оврага.

Снег почти растаял, но лед в тени деревьев держался крепкий. Света прокатилась метра два. Но вдруг лед затрещал, и на середине этой глубокой канавы Света ухнула по пояс в ледяную воду.

Холод она сразу не почувствовала – на ней было много теплых вещей. Но страшно испугалась, вспомнив про свой ревматизм и ежегодные уколы весной и осенью.

Лед впереди оказался тонким, и она начала давить на него локтями, тараня всем корпусом. Неожиданно под ногами оказалась в воде куча замерзшего снега, и Свете удалось, не поскользнувшись ни разу, выбраться на промерзшую землю.

С какой-то обреченностью, бегом, чувствуя страшную тяжесть мокрого зимнего пальто, ледяной холод промокших чулок, Света, не стуча в дверь, не помня себя, ввалилась через холодную пристройку маленького домика на окраине прямо в чистую кухню:

– Тетенька, я в овраге провалилась! – слез Света уже не могла сдерживать. – Помогите, мне, пожалуйста!

– Господи, дитяtko, как же тебя угораздило? – высокая, немножко сутулая женщина вскочила от старинной ножной швейной машинки, начала расстегивать пуговицы на мокром пальто. – Раздевайся скорее! Сильно замерзла?

– Испугалась очень. И ноги у меня замерзли, – Света уронила вербы на пол и никак не могла развязать красными пальцами шерстяной платок под горлом. – Я теперь умру?

– Да что ты такое говоришь, красавица! Мы еще на твоей свадьбе погуляем! Раздевайся догола! Все, все снимай! Ложись на лавку! Сейчас мы тебя лечить будем! – женщина бросила на лавку шерстяное одеяло, достала из шкафа большую бутылку с прозрачной жидкостью. – Ложись на живот! Буду тебя спиртом растирать!

Руки у нее были шершавые, она с такой силой и скоростью мяла ноги, спину, руки, что Свете через пять минут стало жарко. Она задышалась от этого медицинского запаха и тихонечко ойкала.

– Одевайся! Вот тут одежда от моей внучки осталась, когда летом в гости приезжала. И носки мои, из собачьей шерсти связанные, надень. Кутайся в мой халат фланелевый, пей горячий чай с малиной и марш на русскую печку! Лучшее лекарство при простуде!

Лежанка была теплая, короткая даже для Светы, но, поджав ноги, на меховой подстилке, большой подушке, под байковым одеялом стало так уютно, словно очутилась в игрушечном домике с двумя стенками. Лежа, легко достала ладонью до деревянного потолка.

Она хотела рассмотреть внутреннее убранство комнаты, но почему-то почти сразу уснула.

Проспала больше часа. Когда открыла глаза, первое, что бросилось в глаза, – на табуретке у двери в ведре стояла ее охалка вербы. Даже, испугавшись внезапного купания, она не бросила свою добычу.

– Стемнело. Тебя, наверное, уже ищут. Дойдешь сама или проводить? Твоя одежда у меня до утра высохнет, а тебе придется в моих бахилах и старом полушубке идти. Ничего, пробежишь быстренько, женихи не узнают!

– А как вас зовут? – Света натягивала на себя большие для ее роста вещи и представляла, в какую же кулему она сейчас превратилась.

– Меня зовут Алена Ивановна! Беги, деточка! И не забудь свой букет!

Домой почти летела. Папка управлялся на улице, закрывал в сарай кур и уток. Дружок сразу признал, стал прыгать вокруг, повизгивая. Мама на кухне растапливала печку. Ее самообладанию можно было только позавидовать:

– Что за маскарад? Откуда эта одежда? Что случилось?

– Я в овраге под лед провалилась. Но меня спасли и в спирте искупали, – буднично доложила Света. – Завтра велели за вещами прийти. Мама! А это тебе вербы на 8 марта! С праздником, наступающим!

– Приключения нашей Светланы никогда не закончатся, они ее караулят на каждом шагу, – вздохнул папа, когда Света очень кратко рассказала, где живет Алена Ивановна. – Пока вы ужин приготовите, схожу и женщину поблагодарю за спасение дочери. Где мой рюкзак?

С купанием в ледяной воде все обошлось благополучно, даже насморк не прицепился. В воскресенье мама зажарила в духовке утку, напекла пирогов, а папа привел Алену Ивановну в гости.

– У меня ведь в городе Саратовской области тоже две внучки живут, – рассказала она, когда знакомились. – Старшая – как ваша Света, а младшая – как Вика. Дочь там работает заведующей аптекой. Привезли летом мне трехлитровую банку спирта медицинского. Дрова нарубить, уголь перетаскать – расплачиваюсь с мужиками по-деревенски: обедом накормлю, стопочки налью – довольны за копейки работать. Приходи, Светочка, в гости!

Как тесен мир! В десятом классе после перенесенной ревматической атаки Свету направили в санаторий «Трудовые резервы» в Ленинград, где в феврале она познакомилась совершенно случайно со своей будущей лучшей подругой Наташей. Узнав, откуда приехала Света, Наташа воскликнула радостно:

– А у меня в вашем селе бабушка жила! Может быть, ты ее знаешь? Алена Ивановна ее зовут! Домик маленький на краю села у больницы! Она медсестрой там всю жизнь проработала! Правда, мы ее к себе забрали три года назад!

И завязавшаяся переписка, толстые конверты откровенных писем, первые стихи, рассказы, дискуссии о смысле жизни – вся взволнованность и откровенность юношеских взлетов и размышлений ложились на страницы из тетрадей нескончаемым диалогом двух подруг. Вместе поступили в Саратовский университет, но на разные факультеты. И тщательно хранимые письма по просьбе Наташи Света ей вернула, когда та стала писать свой первый роман. Зато остались стихи в верном дневнике.

Но все это будет потом. А тогда Света подолгу рассматривала ярко – бордовые ветки спасенной вербы, наблюдая, как стали постепенно раскрываться серо-белые почки, выбросив тонкие паутинки с желтой пыльцой. Раскрывшиеся цветы вербы стали похожи на крошечных пушистых желтых цыплят.

Мама тоже частенько задумчиво смотрела на это чудо пробуждения среди ранней весны, вспоминала свой далекий родной город и детство.

Света написала свое первое стихотворение, из которого запомнились только две строчки:

Мама! Это твое, мое, наше приветствие жизни!

Мама! Спасибо, что жизнь мне дала!

Проходят годы. Но струящийся свет нежности, ласки, обожания, беспредельной доброты, жизнелюбия, невозможного счастья и боли от утраты захлестывает каждую клеточку твоего существа, когда говоришь или просто думаешь, произнося мысленно это лучезарное слово: «Мама!»

Оно было твоим первым осознанным словом на Земле. Возможно, с ним ты уйдешь в небытие. Но пока встречаешь рассветы, чувствуешь, творишь, мыслишь, живешь, образ

горячо любимой мамы ведет тебя, крепко держа за руку, как в детстве, поднимает с больничной кровати, приходит во сне, поддерживает и спасает.

И ты поэтому – счастливый человек!

Зимняя рыбалка Рассказ.

Зима навалилась в последнюю неделю ноября свирепыми морозами без снега. Вода в курятнике к утру в старой кастрюле промерзала до дна. У петуха побелели кончики обмороженного гребешка. Спасало живность – кур и кабанчика в саманном сарае – только присутствие коровы Марты.

За ночь голландка в зале остывала, угли покрывались легчайшим слоем серого пепла, но при помешивании кочергой начинали подозрительно перемигиваться красноватыми искрами.

Дом был старый, деревянный, обмазанный глиной, на высоком кирпичном фундаменте – кулацкий, построенный до революции. Натопить его до жары было зимой невозможно.

И заставить себя вылезти из-под одеяла в студеную комнату каждое утро было очень трудно. Но папа включал на полную мощность черный приемник, приносил из кухни теплые валенки и напоминал:

– Поторапливайтесь, на зарядку становись!

В кухне было тепло. На чугунной поверхности кирпичной печки уже закипал чайник, пахло горячим какао, душистыми блинчиками с вареньем, на приготовление которых мама была большая мастерица.

В рукомойник для детей наливали теплую воду, а папа, управившись по темному на дворе со скотиной, снимал в тесном чуланчике рабочую одежду и мылся по пояс в тазу с холодной водой.

Завтракали дружно, быстренько собирались на работу. Родители забирали младшую сестренку Вику в начальную школу и торопились – ведь нужно было пройти пешком ровно километр на север до центра, а маме – еще километр до больницы на другом конце села.

Света училась во вторую смену. Она убирала со стола, садилась за уроки, читала, писала, рисовала в тепле, не забывая подсыпать уголь сверху через круглые отверстия в плите.

Через две недели потеплело, северный ветер принес, наконец-то, долгожданный снежок. Он падал так осторожно, как будто там, на небесах еще раздумывали и жадничали тряхануть какое-нибудь облако поусерднее. Снежинки порхали, боясь удариться о замороженную землю и рассыпать свою красоту.

Вечером за ужином мама, словно извиняясь, доложила, что ее посылают в Сталинград на недельные курсы.

– Корову доить не нужно, Марта телиться будет только в середине января. Справитесь тут без меня? – она посмотрела на папу. – Леша! Нам по разрядке химреактивы и посуду выделили, дают два новых микроскопа и центрифугу для больницы.

– Как же ты, Лидочка, все это довезешь, ведь тебе придется делать пересадку в Саратове! Неужели скоро дождемся завершения строительства Волжской ГЭС и плотины через Волгу?

– Довезу, не первый раз! Носильщика возьму. Когда-нибудь будем вспоминать, как добились до областного центра окружным путем.

Мама уехала в обед на станцию на автобусе, а папа вечером разложил на кухонном столе свои рыбацкие ценности: коробочки с крючками, катушки с леской, поплавки, блесны.

Вика играла в куклы, а Света «приклеилась» к столу возле отца:

– Папа, ты на рыбалку собрался? Возьми меня с собой! Мама не узнает! Ну, пожалуйста!

– Светочка, мы поедем на машине далеко, где-то за 15 километров. И там будут одни мужчины с моей работы. Вдруг замерзнешь, простынешь, заболеешь! Нет, нет, рыбачили с тобой летом, вот весну и подождем!

– Папочка, мне скоро 13 лет исполнится! Я уже взрослая! Вику к бабушке отведем! Соседи за домом посмотрят! Ну, пожалуйста!

– Хорошо! Собирайся! Мы в воскресенье будем выезжать в 8 часов! И одежду подготовь теплую: двое брюк, свитер шерстяной, носки, валенки с галошами.

Довольная Света отправилась спать, а отец еще долго «колдовал» над своими сокровищами, отливая из свинца новые мормышки и полируя шершавой бумагой старые блесны.

Воскресное утро заставило ахнуть: провода, деревца, заборы за ночь приклеили к себе все выпавшие снежинки и засверкали, а серая земля только обиженно хмурилась.

Старая полуторка с брезентовым шатром в кузове остановилась у ворот ровно в восемь. Когда Света по железной лесенке поднялась вверх, мужчины в кожаных, фуфайках, теплых зимних шапках стали прикалывать папу:

– Что, Сергеевич! Не доверяет тебе жинка? Дочку посылает за отцом присматривать? А вдруг на волков напоремся? Или замерзнет?

Папа не обиделся:

– Вы слышали такую мудрость: «Дай человеку рыбу, и ты накормишь его только раз. Научи его ловить рыбу, и он будет кормиться ею всю жизнь». Светлана моя – знатная рыбачка. Как говорят: «Озеро и река – счастье для рыбака». Сама напросилась!

– Посади ее в кабинку, там теплее. А то мы без мата анекдоты рассказывать не горазды! – Света успела насчитать восемь любителей зимней рыбалки и через минуту уже сидела на нагретом стареньком сиденье рядом с шофером.

Машина тронулась. Дядю Сашу она знала хорошо, он работал на хлебовозке и был отцом одноклассника Ивана. Дядька был разговорчивый, рассказал, что всю войну «шоферил», дважды был ранен, два осколка так и не смогли в госпитале извлечь из спины и ноги, а сейчас ложиться снова под нож хирурга не с руки, хотя боли достают его, особенно в непогоду.

– Спасибо председателю колхоза – разрешил мужикам по воскресениям брать машину на рыбалку. Зимняя рыбалка – дело настоящих мужчин. Возле села всю рыбу распугали. Лед нормальный, откроем сезон зимний на Еруслане, а потом дорожку протопаем на Волгу – судачков ловить. И семье каждой прибыток будет. Коровы в запуске – молока нет, не у каждого хрюшка есть во дворе, голодно и пусто на столе. А тут – дармовая рыба и утеха мужская.

Машина долго кружила среди голых кустарников и старых тополей, ныряла в заросшие овраги, но нигде не было видно никаких сел. Потом выскочили на высокий грейдер, и от тряски на замерзших глубоких осенних колеях Свету стало подкидывать до низкой крыши кабины.

Это тягостное испытание закончилось, когда машина съехала на полевою дорогу и вскоре остановилась на берегу огромного залива.

Солнце заблудилось где-то в сутолоке набежавших хмурых туч, но Света представила, как бы засверкала замерзшая чаша этого почти естественного зеркала от любого сверкнувшего с небес луча.

Мужчины выгрузили из кузова пшени, рюкзаки, сумки с харчами, самые сноровистые с осторожностью спустились на лед с песчаного берега.

– Мужики, место новое, кто-нибудь тут летом рыбачил?

– Далековато от дома! Пошли лунки долбить! Сантиметров десять лед! Выдержит! Главное, близко не кучковаться!

Дядя Саша протянул Свете большую румяную ватрушку с повидлом:

– Замерзнешь, приходи греться в кабинку! Мороз не сильный, но пусть мотор работает! С трудом, моя старушка, заводится!

Рыбаки разбрелись по периметру вдоль берегов. Света с опаской прошла несколько метров по ровненькому катку и пожалела, что коньки остались дома. Ни клочка снега, только темная и страшная глубина подводного мира под тонкой коркой ледяного панциря.

И вдруг прямо под ее валенками с галошами показалась медленно плывущая огромная щука. Света замерла. Она разглядела даже светлые крапинки на ее темной спине, узкий нос, плавники. За щукой следом появился ее эскорт – три щучки поменьше. Они плыли по направлению к высоченным камышам, где папа начал бить пешней первую лунку в пяти метрах от берега.

Света пошла за рыбами:

– Папа! Ты всю рыбу распугаешь! – прошептала она. – Я только что увидела сразу четыре щуки! Вот такие! Они тебя испугались и нырнули! У меня даже ладони в варежках стали мокрые!

– Доставай из сумки удочки! Еще тройку лунок сделаю для нас! А ты разматывай леску!

Папа дома объяснил принцип ловли на мормышку: главное, периодически поднимать и опускать маленькое удилице, обмотанное изоляционной серой лентой, и смотреть за поплавком. Никакой насадки делать не нужно. Варежки не снимать. Если надоест стоять на одном месте, то можно ходить вокруг лунки. И ждать, когда повезет.

Света размотала леску, не удержалась, повесила на острый крючок, впаянный в свинцовый корпус блестящей пули, кусочек ватрушки. Сверху папа привязал над мормышкой четыре красные шерстяные нитки от маминого вязания. Но рыба не клевала.

Да, зимняя рыбалка здорово отличалась от утренней летней зорьки на прудах или на речке, когда спина становилась мокрой от постоянного махания длинным удилицем при ловле карасей. Азарт заставлял забыть о тучах комаров и мошки над головой, о замерзших ногах в резиновых сапогах, о жгучем солнце над головой.

Папа натянул свой полушубок, когда добил пятую лунку, ушел ближе к центру залива, забрав две удочки с блеснами.

Света не удержалась, вытащила леску. Кусочка плюшки не было – размок и свалился. Опять прицепила кусочек, леска ушла на глубину. Размотала вторую удочку с мормышкой и маленькой блестящей пуговицей у крючка. Это все придумал и сделал папа сам. Первый поплавок был красный, а второй – зеленый. Лунки были в метре друг от дружки, рядышком.

И, когда Света занялась второй удочкой, удилице первой вдруг стремительно поползло к лунке, словно живое. Рванулась, споткнулась о замерзшую наледь от выброшенных льдинок, упала на коленку, но успела схватить деревянный удильник. Варежки мешали, сбросила, потянула резко, но там внизу тянули в сторону тоже очень сильно.

– Папа! Скорее! – Света растерянно смотрела, как отец бросил удильник, начал осторожно перебирать леску двумя руками, не давая рыбе опомниться, и уверенно выдернул из небольшой темной проруби узкую извивающуюся щуку.

– Молодец, дочь! Поздравляю! На уху уже хватит! – папа отбросил рыбину подальше в сторону. – Ты, что, решила двумя удочками рыбачить? Ну-ну! Пошел я к своему хозяйству!

Через некоторое время отец вытащил пару приличных окуней.

Свете стало жарко. Она стояла посередине между лунками и по очереди дергала удильники. И опять не уследила поклевку, вдруг не увидев зеленый поплавок на воде.

«Только не сорвись, только леску не порви!» – молила она, старательно перебирая вырывающуюся леску, не успев сбросить рукавицы. Все-таки глубина здесь была приличная, и хорошо, что на помощь подоспел дядя Саша, опытный рыбак. Когда очередная щука высунула огромный нос из ледяной воды, он умело засунул пальцы под жабры и выдернул туловище килограммовой хищницы из узкой лунки.

– Сергеевич! Ты не будешь против, если я к вам переберусь? А то утянет водяной твою дочку, пока ты там окуней у него ворует! Я не с пустыми руками! У меня насадка знатная – легкое зайца! Не пустит меня бабка моя больше на рыбалку, если пустой вернусь!

А Света рассматривала с испугом добычу: неужели именно эту щуку она увидела под водой? Может быть, как в сказке про Емелю, выпустить ее обратно в воду? Но тогда никто

не поверит в ее удачу. А щука желтым глазом смотрела в стылое небо. И впервые Свете стало жаль рыбу.

Подряд она успела вытащить два небольших окуня. И опять пришел азарт – видимо, передались ей гены от мамы, у которой в роду все мужчины были рыбаками. И папа – любитель рыбалки.

Но тут случилось несчастье. Толстый дяденька, которого все звали Пашка-старшина, зачем-то полез через камыши к берегу и провалился под лед по пояс. Выбрался он сам, никого не звал, но, когда увидели, как он у машины выливает из сапог воду, стоя босиком на замороженной земле, а с его ватных штанов льются ручейки, все побросали свои снасти и собрались на берегу. Папа приказал дяде Саше немедленно везти Павла за три километра на центральную усадьбу местного совхоза, чтобы там нашли сухую одежду и обувь. Дядя Саша достал из-под сиденья старенький коврик и сухие носки.

Через десять минут машина исчезла за кустами. А еще через полчаса поклевка у всех закончилась одновременно, словно рыба объявила перерыв.

– Рыба лучше барометра чувствует погоду! Смотрите, как небо затянуло тучами! Того гляди, снег повалит! – седой агроном Василий Иванович снял лисий малахай, крутанулся на месте. – Ветер переменялся, с северо-запада задувает. Надо собираться! Давайте чайку сообразим, обедать пора!

Безопасности ради ушли со льда на берег. Бывалые рыбаки вскипятили в котелке воду, сыпанули заварки, стали доставать, кто что прихватил из дома: хлеб и вареные яйца замерзли, соленое сало было у всех. Хлеб жарили на палочках на костре, яйца кидали в кружки с кипятком. Василий Иванович достал армейскую фляжку с самогоном – поделили по-братски на всех, оставив НЗ для уехавших. Свету угощали карамельками, сами чай пили с кусковым сахаром.

Стало быстро темнеть. Через час машина не вернулась. Решили идти в совхоз пешком.

– Зря я тебя, Светочка, послушал! Наши все войну прошли, нас дорога не страшит! А тебе тяжело придется! – папа подтянул ремни на рюкзаке, где лежали рыболовные снасти, на спине у Светы. Сам надел веревочные лямки холщовой котомки с приличным уловом. Взял пешню в правую руку, а левой – ладонь Светы.

Когда поднялись на возвышенность, началась метель. Ветер дул сбоку, стараясь обязательно пригоршню снежных колючек забросить в лицо. Вдали прорезались редкие электрические огоньки, и страшно было представить, что вдруг там, в селе что-то случится с динамиком, и погаснет надежда, которая манила теплом человеческого жилья.

В здании сельсовета горел свет. Председатель строчил какой-то отчет, не удивился, предупредил, что у машины что-то полетело, ремонтируют в совхозной мастерской за селом.

– Мужики, сейчас я вас разведу по домам – останетесь ночевать. С метелью в степи шутки плохо кончаются. А утром, даст Бог, и поедете.

Свету с отцом приняли на ночевку в семью, где была девочка Светиных лет. Накормили горячей лапшой с утятинной, постелили Свете на раскладушке в узкой комнатке с Машей. Папа долго разговаривал с хозяевами: они оба работали на ферме. Им нужно было рано вставать, но встреча с новым человеком из райцентра продолжилась до двенадцати часов ночи, когда, моргнув два раза, лампочка погасла.

Утром собирались и пили чай с молоком при свете керосиновой лампы. Папа отдал хозяевам два десятка выловленных им окуней. Не удержался, похвалился добычей дочери:

– Пусть мать полюбуется! Замороженные щуки, не пропадут!

Метель за ночь потрудилась добросовестно, завалив таким долгожданным снегом все улицы, дворы и крыши. До мастерской шагали по уже расчищенной юрким трактором «Беларусь» с самодельным грейдером дороге. Директор совхоза после короткой планерки в мастерской распорядился пустить впереди отремонтированной машины самый мощный дизельный трактор для расчистки от снега основной трассы.

Света проспала в кабинке рядом с дядей Сашей почти до самого райцентра. Ей снились какие-то яркие сны: горячий песок под ослепительным солнцем, прыжки с «тарзанки», городские бублики на веревочке и шоколадные конфеты, которые всегда привозили из города.

В школу в понедельник она не пошла.

Послесловие.

По прошествии многих лет Света поняла, что именно благодаря своему отцу, в ее душе улеглись нерастворимые кристаллы особого отношения к представителям противоположного пола.

Нет, это не был свод нерушимых правил их поведения, нарушение которых должно было караться презрением и отвержением.

Не существовало и заоблачных грез о заморских принцах и литературных героях, известных артистах и певцах.

И волей судьбы Светлане всегда везло на встречи с настоящими мужчинами: умными, волевыми, целеустремленными, мужественными. Каким-то непостижимым образом на ее жизненной дороге не оказывались подлецы и злодеи, предатели и слабаки, крохоборы и мерзавцы.

Просто устремляясь за своей мечтой, она всегда мысленно сравнивала каждого со своим отцом, и недостойные внимания оставались на обочине ее пути.

Отец прожил долгую и светлую жизнь – 95 лет в полном здравии, работая до конца по мере сил.

Истоки Рассказ

*Мы будем, словно Петр в Гааге,
Учиться – только не отваге,
Не щедрости, не широте,
И мы в духовные холопы
Америки или Европы
Не попадем по простоте.
И русский русским остается,
Пока в нем дух землепроходца.
Благословляю все народы,
все языки, все земли, воды,
все бессловесное зверье.
Все в мире страны мне родные,
Но прежде всех —
Моя Россия, —
ты —
человечество мое!*

Евгений Евтушенко (из поэмы «Просека»).

Человек познает сам себя только в той мере, в какой он познает мир.

Йоганн Гете.

«Просто был такой лагерный день, тяжелая работа, я таскал носилки с напарником и подумал; как нужно бы описать весь лагерный мир – одним днем. Конечно, можно описать вот свои десять лет лагеря, там всю историю лагерей, – а достаточно в одном дне все собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день среднего, ничем не примечательного человека с утра до вечера».

Этот рассказ «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, прочитанный тайком от родителей в пятнадцать лет, стал тем магнитом, который незаметно перестроил всю дальнейшую жизнь, притянув другое, более серьезное отношение к действительности, осознанное увлечение литературой и поэзией, заставив пересматривать отношения между людьми с позиции собственных убеждений и идеалов.

Во времена расцвета интернетовского многообразия открылась так тщательно скрываемая правда о том времени, когда приходилось принимать газетную «правду» по многим вопросам. Доподлинно стала известна история создания и появления в печати этого произведения, принесшего его автору, Александру Солженицыну, мировую известность.

По авторскому определению, рассказ его при публикации в журнале «Новый мир» по решению редакции назван «для весомости» повестью.

И много лет спустя, стало известно, что Анна Ахматова, прочитав, сказала Лидии Чуковской:

«Эту повесть о-бя-зан про-чи-тать и вы – учить наизусть каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза».

Конец февраля 1963 года. Взволнованный и непонятный разговор родителей в кухне. Мгновенно замолчали, когда Света зашла и о чем-то спросила. Мама быстро приготовила ужин:

– Так, меня не отвлекать. Я – занята! – и закрыла плотно дверь в спальную.

– Папа, что это она такая колючая? – спросила Света отца. – И ужинать не стала!

– К политзанятиям готовится! – отец никогда не врал. Ему Света верила безоговорочно. – Ты же знаешь, что ее могут в любую минуту, даже ночью вызвать в больницу, если привезут человека на операцию. Пока анализы возьмет, пока операция пройдет, – хорошо, если на машине обратно вернется. Сколько раз уже пешком приходилось нашей маме одной ночью идти. Жаль, что нет возможности телефон провести домой!

Пожала плечами, села писать сочинение. И что-то так расписалась, что легла спать, когда точно по расписанию в полночь выключили свет. На кухне керосиновую лампу зажгла мама, пожелав спокойной ночи.

«Утром перепишу сочинение с черновика, – подумала Света, засыпая.

Летняя привычка вставать рано утром на рыбалку постепенно осталась такой ценной особенностью, буквально чертой характера, когда со «свежей» головой моментально запоминались математические теоремы, целые страницы текстов и спокойно решались задачи по физике и химии.

На кухне продолжала светить керосиновая лампа, слегка закопилось стекло, а мама не отрывалась от чтения какого-то журнала.

– Ты что, так и не ложились? – ахнула Света. – А мне можно почитать?

– Светочка, эта история для взрослых. После меня сегодня будет читать папа. Очень серьезная вещь.

«Понятно! „Дети до шестнадцати лет“ – и разговор окончен. Милая мамочка, да я уже давно читаю все твои книжки из взрослой библиотеки, – подумала Света, зажигая вторую керосиновую лампу. – Ясно, что некоторые отношения мужчин и женщин писатели излишне откровенно описывают, особенно в журнале „Иностранная литература“, а, если щеки вдруг покраснели, можно, ведь пропустить полстраницы. Девчонка в девятом классе нашей школы родила ребенка недавно, а книжки вообще не читала».

Света начала переписывать сочинение в тетрадь.

Торопясь в школу, подгоняя сестренку, успела засечь, что папа, выходя уже одетый в коридор со своим неизменным фронтальным планшетом, положил мамин журнал незаметно наверх шифоньера.

«На работе ему не до чтения, оставил на вечер! – констатировала радостно. – После обеда буду читать!»

Это чтение об одном дне заключенного, русского крестьянина и солдата Ивана Денисовича Шухова, без передышки, на одном дыхании было каким-то ослеплением:

«Неужели это возможно? Нет, такое не может быть! Почему такая жестокость? Ведь он ничего плохого не сделал? Невозможно поверить!»

С первой в жизни жестокостью столкнулась, когда убили преданного друга, которого принесли маленьким щенком от знакомых. Он вырос в большую белоснежную лохматую собаку, в крови которой перемешались гены овчарки, гончей и пушистой дворняги. Умнейшее существо, понимавшее человеческую речь, которое беспрекословно выполняло любую просьбу и команду, любило свободу. Дружка никогда не привязывали. И на рассвете его застрелил из ружья никчемный пьяница, чтобы сшить себе из шкуры всеобщего любимца теплые унты.

Это горе и боль от несправедливости произошедшего остались на всю жизнь. И впервые – осознанность страшной невозвратимости живого и любимого существа.

В пятом классе на весенних каникулах Света согласилась пойти с мальчишками «выливать» сусликов. Остатки грязного снега в низинах, высохшие поляны, огромный купол распавшегося неба над степью – и свобода, ощущение бесконечности пространства вдали от села, своей силы, ловкости, непонятной отваги.

Беготня, тяжелые ведра с ледяной водой, которую надо лить в аккуратное круглое отверстие норки, и испуганная мордочка зверька, которого тут же хватают безжалостно и убивают не злые, нормальные мальчишки. А потом их невозможные рассказы о количестве сданных в заготконтору шкурок для получения вместо денег – сахара – рафинада и пачек индийского чая.

Свету уговаривали остаться, обещали угостить вкусным жареным мясом, напомнили, что суслики – вредители полей.

День нахмурился тяжелыми тучами, брызгая ледяными мелкими иглами вернувшейся непогоды. Она шла по степи одна, ругала себя, мальчишек, жалела зверьков и опять задавала вопрос в никуда:

«Почему люди так жестоки?»

И теперь ей, затянутой в невозможную правду мельчайших подробностей медленного истязания живых людей, даже если вина их была доказана, было трудно оторваться от страниц и строчек, потому что все эти невероятные события не были придуманы. Они были прожиты автором и заключенным под номером Ш-854 в повести. И еще эти ужасные заключительные строки:

«Таких дней в его сроке от звонка до звонка было 3653. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось».

Почему-то испугала мысль:

«А мама и папа знали, что такое возможно? Как их об этом спросить? Это невозможно! Как это все ужасно!»

Света положила журнал на шкаф. Оделась, по снежной укатанной дороге побрела к замерзшей реке.

Одиночество сейчас было спасением. Хорошо, что на улице в сгущающихся сумерках никого не встретила. Перед глазами вдруг вспыхнула картинка: крошки хлеба, которые подбирает голодный человек, не потерявший в этих каторжных условиях человеческого достоинства, мыслящий и любящий жизнь. И оставшийся в живых!

Дома молчала. Рано легла спать. Ночью проснулась внезапно часа в четыре от разговора родителей, доносившегося из-за неплотно закрытой двери кухни:

– Все, Лида, решено – я ухожу из райкома. Невозможно оставаться, если ты не разделяешь идеи, которые должен пропагандировать. Плохой из меня идеолог! Что я смогу ответить на вопрос любого колхозника, который прочитает вот этот журнал? Что я не знал? Кто же мне поверит?!

– Саша! Теперь, после речи Никиты Сергеевича Хрущева на XXII съезде КПСС 10 ноября 1961 года, когда прозвучала правда о культе личности Сталина, никто не имеет права обвинять рядовых коммунистов в преднамеренном истреблении неугодных. Сейчас очень ответственное время для всей партии. Открытая правда больно ударила по авторитету каждого из нас. Мы все в ответе за эти тысячи невинно репрессированных и казненных.

– Лида, прочитав только эту повесть, можно с уверенностью сказать, что погибших могут быть тысячи. Расследования только начались. Ты знаешь, что я никогда не прятался от трудной работы. Считал особой честью, что мне, кадровому военному, доверили работать в райкоме коммунистической партии, но сейчас понимаю, что не справился. И мне люди уже не будут доверять, как доверяли раньше.

– Саша! Давай уедем из деревни в Борисоглебск, мой родной город. Ты – учитель начальных классов, мужчина, руки у тебя золотые. Устроишься на электромеханический завод, в школу, на железную дорогу. Большой город, много родни, знакомых. Снимем квартиру, дети будут учиться в большой школе. Устала я от этой замкнутости только на работе и семье. Мне, горожанке, пришлось научиться доить корову, принимать у нее роды, таскать на коромыслах

сотни ведер воды, чтобы вырастить в вечной засухе ведро помидоров. И такая же судьба ждет наших девочек!

– Лидочка, дорогая! Ты знаешь, как я тебя и наших девочек люблю! В твоём Борисоглебске столько произошло изменений за это время, тебе сейчас все будет чужим. Здесь наш дом! Вовремя ты принесла этот журнал! Завтра же подаю первому секретарю заявление об уходе! Попрошусь в колхоз на любую работу – корни у меня крестьянские. А корову продадим! Чтобы у тебя оставалось больше свободного времени. Пошли спать! Вторая бессонная ночь подряд у тебя!

Уезжать Света не хотела.

Утром мама, торопясь на работу, попросила Свету сбежать в библиотеку на первой перемене и отнести журнал. Света кивнула – библиотека была рядом.

Через два дня после работы вечером мама снова заторопилась в библиотеку. Отец уехал в командировку до конца недели в город, и Свету подмывало спросить, правда, или нет, что они скоро уедут в город.

Седовласая грузная библиотекарь схватила сразу Светину маму за руку:

– Лидочка, ждала вас с нетерпением! Раздевайтесь, у меня чайник на печке горячий! Давайте, посекретничаем! Как вам повесть?

– Света, иди в детскую библиотеку, посмотри новые журналы, а мы с Екатериной Ильичиной поговорим! – мама сняла шапку, пальто, повесила на вешалку.

– А я тоже прочитала ваш журнал! – с вызовом сказала Света. – Можно, я послушаю ваш разговор?

Библиотекарь заволновалась:

– Лида, дорогая! Я же дала журнал вам только на два дня! У меня уже записались в очереди сорок восемь человек! Телефон не выключается – все хотят прочесть. Это просто какой-то ураган! Люди хотят услышать слова правды!

– Света, поговорим дома, но ты будешь наказана! Эта повесть не для детей! – мама была рассержена.

– Мама, но там же нет постельных сцен! Там описаны страшные издевательства над людьми! Но ведь издевались в тюрьме и над Оводом, но ты же сама посоветовала мне прочитать книгу Войнич! Я уже не маленькая девочка! Можно, пойду домой!

Позже, из разговора с отцом многое прояснилось, но Света не стала больше задавать вопросы, когда увидела, как папа сильно расстроился.

После ухода из райкома отец до первого мая несколько месяцев был безработным. Ни в одну контору его не хотели брать – была установка первого секретаря райкома партии – «бунтаря» не замечать. Жили на одну зарплату мамы, держали корову, птицу.

Вспоминая ночной разговор о переезде в город, Света с тоской мысленно уже прощалась с дорогим селом, рекой, с друзьями, ожидая окончания учебного года.

Но однажды к ним вечером пожаловал гость – новый председатель райпотребсоюза, присланный из области. Оказывается, они вместе с отцом заканчивали в 1943 году военное училище в городе Горький.

Засиделись за накрытым столом до утра. Расставаясь, гость сказал коротко:

– Мне, как новому здесь человеку, указ райкома неизвестен. Завтра выходи на новую работу экспедитором! Помотаешься по областям, въедешь в наши проблемы, пойдешь ко мне замом. Боевой офицер, а обращаются, как с мальчишкой! Сейчас – не сталинские времена. Вызовут на ковер – объясню ситуацию!

Через два года отец стал работать начфином в райвоенкомате – туда его пригласил военный комиссар, который тоже не подчинялся местному начальству. Отъезд в город не состоялся.

Постепенно сама жизнь раскручивала перед Светой свои запутанные сюжеты, которые были похожи, или наоборот, выбивались из привычных рамок прочитанных книг. Острее стала

чувствоваться несправедливость в разговорных наставлениях всегда уверенных в себе учителей. Боль от трагических судеб Александра Сергеевича Пушкина и Михаила Юрьевича Лермонтова выплескивалась на страницы сочинений. Военные повести и романы Константина Симонова, поэмы Твардовского, стихи молодых талантливых поэтов, погибших на фронт, постепенно подталкивали к тому, чтобы попытаться переложить свои мысли и суждения на бумагу не только о литературных героях, но и об обычных людях, живущих рядом.

Научилась печатать на машинке. Наконец, пришла в редакцию районной газеты с заметками о школьной жизни.

– Твой отец до начала финской войны работал у нас заместителем редактора. Ты знаешь? – спросил пожилой редактор.

Света не знала, к своему стыду. Война осталась где-то там в прошлом, про нее смотрели фильмы, пели песни. Но бывшие фронтовики, приходившие на вечера встреч в честь великих битв под Сталинградом, под Москвой, на Курской дуге, герои, бравшие рейхстаг, были до боли знакомые. «Разговорить» их было очень трудно, они тоже старались, как могли, забыть те тяжелые испытания, боль огненных лет.

Вместе с учительницей истории стали обходить по домам участников Великой Отечественной войны, записывать их воспоминания. Потом восстанавливали историю жизни и подробности гибели выпускницы школы, партизанки Розы Джалиловой, на которую в соседнее село пришла родителям во время войны похоронка, где стояла жестокая запись «Место захоронения не известно».

Света знала точно уже в девятом классе, что она станет журналистом. Этот поиск материалов о героической судьбе и трагической гибели Розы Джалиловой в застенках гестапо на Украине она довела до конца вместе со своими учениками, когда стала работать в школе учителем.

Где-то Света прочитала выражение: «Каждый сам пишет историю своей судьбы». Но сколько же пережитого, передуманного, свершенного должно лечь кирпичиками, песчинками, веточками на дорогу судьбы, чтобы отзвуки и отголоски прошлых лет вызывали в каждом трепетную радость, что нигде не сплюшали, верили в себя и людей, любили и доверяли, не предавали и помогали.

И гордились, что живешь в такой великой стране, огромной и непобедимой.

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
Федор Иванович Тютчев*

Кружка молока Рассказ.

Предисловие.

До войны по заволжской безводной пустыне от Астрахани до Саратова тянулась железная дорога – однопутка, слабо технически оснащенная, с большими перегонами.

В годы Сталинградской битвы, здесь, в Заволжье, эта была основная железнодорожная ветка, по которой сражавшийся город снабжался оружием и боеприпасами, когда практически прекратились поставки и движение судов, особенно нефтеналивных танкеров, по Волге. Фашисты знали это и бомбили железнодорожные пути нещадно.

С августа 1942 года по февраль 1943 года фашистские самолеты совершили около 800 налетов, но поезда все равно шли к фронту.

В июле 1942 года с немецкой пунктуальностью фашистский самолет – разведчик начал появляться ровно в 9 часов, делал облеты до крупных станций вдоль путей и исчезал.

И на всякий случай, отец, Николай Андреевич, в одном лице совмещавший должности дежурного, обходчика и путевого рабочего, выкопал щели в огороде, накрыл их досками и ботвой.

В августе 1942 года на подступах к Сталинграду начались, ожесточенные бои. И все снабжение армий Сталинградского фронта, весь грузопоток был направлен по железной дороге Заволжья.

В это же время начались массированные бомбежки станций и разъездов. Все семафоры были сбиты, валялись под откосами. В первую же бомбежку на разъезде после прямых попаданий сгорели все деревянные дома и постройки.

Большая семья дежурного на разъезде осталась жива, благодаря добротному погребу из красного кирпича, построенному еще при закладке железной дороги.

Здесь всегда жили две семьи, но пожилой Михалыч с началом бомбежек с женой уехали в Саратов к дочери, а вместо него прислали семнадцатилетнего мальчишку Виктора из железнодорожного училища.

Во втором подвале сделали КП, к нему подтянули провода связи, и отец с Виктором переселились туда, чтобы неотлучно принимать и отправлять поезда.

Корову Марту и трех овец отогнали за два километра в степь, к пруду, и в овраге под деревьями наспех, из несгоревших досок слепили временный сарайчик.

И теперь до утреннего налета фашистских самолетов погодки Миша и Леша должны были успеть выгнать Марту пастись.

Степь за лето выгорела, пруд страшно обмелел, и только на берегах животные умудрялись находить зелень. Отец вручил восьмилетнему Мише острый серп, свои старые кирзовые сапоги с приказом косить на мелководье свежие побеги камыша, сушить на берегу, заготавливая корм на зиму. Скирда сена сгорела вместе с домом и сараями.

Леше – пока только шесть лет. Он должен был караулить и, услышав звуки приближающихся «Юнкерсов», быстренько загнать Марту под кроны деревьев, привязать к стволу, чтобы от страха она не выскочила в открытое поле, а самому спрятаться в первую попавшуюся канаву и замереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.